

На правах рукописи

НИКОНОВА Наталья Егоровна

В.А. ЖУКОВСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ МИР

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск–2013

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

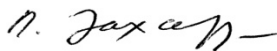
- Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Янушкевич Александр Сергеевич
- Официальные оппоненты: Айзикова Ирина Александровна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», профессор
Ходанен Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», профессор
Ларкович Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент ГОУ ВПО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет», профессор
- Ведущая организация: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Защита состоится « 16 » октября 2013 года в 12-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан 29 августа 2013 г.

Ученый секретарь

Людмила Андреевна Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Роль В.А. Жуковского (1783–1852) в истории русско-европейских контактов трудно переоценить. Просветитель, наследник сентиментализма, первый русский романтик и предвестник «Золотого века», он возвел поэтический перевод до уровня одной из неперменных и самых продуктивных систем обогащения отечественной литературы – и в итоге обозначил собственное творческое кредо, прозвучавшее в унисон с переводной сущностью русской культуры («у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое»¹). Европейство было естественно присуще мировоззрению поэта, но постепенно, в силу объективных и субъективных причин, центральное место в (само)осмыслении русского романтика заняли немецкий мир и немецкоязычная культура. Одна только библиография переводов с немецкого включает не менее ста тридцати художественных произведений сорока семи литераторов XVIII–XIX вв., в круге же чтения Жуковского и его личных знакомств – несколько тысяч немецкоязычных авторов.

В масштабном межкультурном посредничестве Жуковского были комплексно представлены все основные инациональные литературные традиции (французская и немецкая, английская и итальянская), однако современниками поэта единогласно признавалось важное значение его германофильства в определении магистрального направления развития отечественной словесности (М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, И.В. Киреевский, Н.А. Полевой и др.).

Основополагающий тезис Жуковского о нераздельности собственной жизни и поэзии является точкой отсчета при рассмотрении его наследия и позволяет отнести его к тому ряду поэтов, у которых «произведения так сплетены с личностью автора, что невозможно отделить одно от другого» (Д.С. Мережковский). Его личная биография и творчество организованы общей «максимальной идеей» (В.Н. Топоров), что обуславливает правомерность постановки вопроса о цельно-едином «Жуковском тексте» (И.А. Айзикова) как основе научной биографии. С другой стороны, романтический универсализм, характерный для мировоззрения и художественной системы «гения перевода», заставляет нас видеть в историко-культурных реалиях первой половины XIX века непосредственный источник поэтической семантики его творений (см., например, работы И.Ю. Виноцко).

¹ Жуковский В.А. Письмо к Н.В. Гоголю от 6 (18) февраля 1847. < Франкфурт-на-Майне > // В.А. Жуковский. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 543.

В настоящее время, когда основной корпус художественного наследия поэта стал доступным благодаря усилиям томской филологической школы, тезис о германофильстве Жуковского получает особенный культурологический статус: русский поэт провел в Германии более пятнадцати лет, и рассмотрение его житнетворчества невозможно без внимания к контексту германского литературного наследия и окружения, исследование которого признается единственно верным «путем к адекватному изучению и изложению биографии писателя» (Л.Н. Киселева).

Предлагаемое в исследовании понятие «**немецкий мир**» является концептуальным, его содержание определяется объективными особенностями европейского историко-культурного процесса, в частности, многолетней территориальной раздробленностью немецкой нации на большие и маленькие острова, обнаруживавшие значительные отличия в языке и культуре. Потому, говоря о немецком мире, мы, **с одной стороны**, имеем в виду весь объективно существовавший спектр лингво-культурных сообществ, в которых ведущую роль играл немецкий менталитет. С другой стороны, **немецкий мир В.А. Жуковского** представляет собой многоуровневое семиотическое образование, сложившееся в творческом сознании первого русского романтика и воплотившееся в его наследии в результате активного многолетнего взаимодействия с немецкой культурой и ее представителями.

Немецкий мир первой половины XIX в. подразумевал вполне конкретный комплекс идей, воспринятых В.А. Жуковским. В этот период германская мысль стала играть ведущую роль в Европе, инициировав эпоху мировой культуры, названную романтизмом. Сосуществовавшие во времени и пространстве раздробленного немецкого мира измерения романтизма утверждали новое специфическое мироощущение макроэпохи модерна, базисной характеристикой которого стало неприятие абсолютного рационализма. Главным средством выражения этого мироощущения выступила словесность. Энергия обновления, заключавшаяся в немецком романтизме, физически отозвалась германизмом русской литературы, где место «Коломба» было признано за В.А. Жуковским.

Введение в научный оборот нового эмпирического материала о взаимных связях поэта и воспитателя русского «царя-освободителя» с немецким миром необходимо как для создания объективной картины историко-культурного и литературного процесса, так и для понимания романтической «культуры подтекста» В.А. Жуковского.

Актуальность диссертации, таким образом, обусловлена общим интересом современного литературоведения к проблемам компаративистики и рецептивной эстетики, к феноменологии искусства и диалога культур, а также рядом частных факторов. Во-первых, введением в научный оборот нового материала переписки Жуковского и его адресатов-современников, художест-

венных текстов поэта на немецком языке, обновлением исследовательской базы жуковсковедения за счет привлечения работ германских славистов. Во-вторых, необходимостью восстановления и переосмысления целого ряда фактов личной и творческой жизни русского поэта для создания необходимой основы его научной биографии и последующих исследований о нем. В-третьих, актуальность исследования определяется впервые предпринятой попыткой целостного научного осмысления образа немецкого мира Жуковского, проецировавшегося на всю семиосферу русской культуры.

Объектом исследования в диссертации являются взаимосвязи В.А. Жуковского с немецким миром.

Предметом выступает система значимых для идейного развития Жуковского как поэта, педагога и мыслителя эпизодов его житнетворчества, связанных с влиянием немецкого мира, в широком контексте межкультурного взаимодействия.

Целью настоящей работы является исследование определивших мировоззрение В.А. Жуковского этапов взаимодействия с современным ему немецким миром (локальными сверткстами, идейными континуумами и немецкими друзьями).

В связи с этим в работе ставятся следующие исследовательские **задачи**:

1) выявить сохранившиеся на сегодняшний день и не известные науке архивные источники, содержащие информацию о контактах Жуковского с немецким миром;

2) ввести в научный оборот (атрибутировать, расшифровать, перевести, прокомментировать) не известные гуманитарной науке литературные тексты поэта и его современников-немцев, значимые в контексте взаимосвязей Жуковского как литератора, педагога и мыслителя с немецким миром;

3) рассмотреть проблему «В.А. Жуковский и немецкий мир» в диахронии, как динамичную творческую систему; выделить основные этапы эволюции восприятия поэтом немецкого мира в соотношении с общей периодизацией его творчества;

4) установить характер и степень влияния, которое оказали германские связи на мировоззрение и творчество романтика, а через его посредничество и на русскую словесность в целом;

5) восполнить ряд сюжетов биографии В.А. Жуковского в контексте его многолетних диалогов с немецкими современниками (литераторами, художниками, учеными);

6) определить важнейшие для семиотики немецкого мира Жуковского локальные свертксты;

7) обозначить тип, место и действительное значение межкультурных контактов и деятельности Жуковского в немецком мире в контексте российско-европейских связей пер. пол. XIX в.;

8) собрать и комплексно осмыслить немецкоязычное наследие Жуковского в контексте его германских контактов и в связи с общей творческой эволюцией поэта.

Материал исследования составляют мемуарно-эпистолярные, архивные документы, художественные сочинения В.А. Жуковского и его современников-немцев на русском, немецком и французском языках (автографы, копии, авторитетные прижизненные и посмертные публикации), привлекаются личная библиотека поэта, его работы по проблемам эстетики и литературная критика. Отбор материала определен задачами системного осмысления творческого и жизненного пути Жуковского.

В работе использованы материалы рукописных отделов российских и германских **архивохранилищ**, в частности:

- 1) Российской национальной библиотеки (РНБ, г. Санкт-Петербург);
- 2) Института русской литературы (ИРЛИ (ПД), г. Санкт-Петербург);
- 3) Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, г. Москва);
- 4) Государственного Русского музея (ГРМ, г. Санкт-Петербург);
- 5) Германского архива литературы в Марбахе (Deutsches Literaturarchiv Marbach);
- 6) Архива И.В. Гете и Ф. Шиллера в Веймаре (GSA, Weimar);
- 7) Тюрингского герцогского Государственного архива в Веймаре (ThHStAW.);
- 8) Музея И.В. Гете в Дюссельдорфе (Goethe-Museum in Düsseldorf, Handschriftenabteilung);
- 9) Университетской библиотеки Гейдельберга (Universitätsbibliothek <Heidelberg>);
- 10) Баварской Государственной библиотеки в Мюнхене (Bayerische Staatsbibliothek <München>);
- 11) Научной библиотеки Тартуского государственного университета.

В основном тексте диссертационного исследования предметом научного анализа становятся более 130 ранее не публиковавшихся автографов Жуковского и его современников-немцев, более 70 из них текстологически обработаны (полностью расшифрованы, переведены, датированы, прокомментированы) и представлены во втором томе диссертационного сочинения. Впервые привлекаются около двух десятков эго-документов, опубликованных в зарубежных исследованиях литературоведов и не известных отечественной науке.

Степень научной разработанности проблемы

Жизнеописания Жуковского создавались с завидной регулярностью (в среднем каждые три десятилетия) и представляли биографию романтика как часть его творческой позиции. Важнейшие вехи в истории дискурса о Жуковском, поэте и исторической личности, составляют труды П.А. Плетнева, К.К. Зейдлица, Л. Поливанова, А.Н. Веселовского, Эллиса, Б.К. Зайцева, И.М. Семенко, В.В. Афанасьева и др. Однако в силу недоступности авторам жизнеописаний полного собрания сочинений поэта их концепции нуждаются в значительной документальной конкретизации. С другой стороны, недостаточная изученность немецких контактов романтика во время его жизни в России и особенно после переезда в Германию не позволяла составить объективное представление о творческой биографии Жуковского, заставляя исследователей прибегать к тому или иному типу гипотетической реконструкции. Представленная диссертация является шагом к решению актуальных исследовательских задач и позволяет целостно осмыслить житнетворчество поэта на новом уровне знаний о нем.

В первый раз контакты Жуковского с немецкими друзьями были освещены монографически в публикации И.А. Шляпкина, издавшего в 1912 г.² некоторые письма романтика к Фридриху-Вильгельму IV, А. фон Мальтицу, В. фон Шези, А. фон Гумбольдту и др., что составляет лишь малую часть из подлежащего осмыслению корпуса материалов.

Проблема отношений поэта с немецким миром рефреном проходит сквозь всю историю русистики. Дерптский, дрезденский, веймарский и немецко-швейцарский тексты биографии и творчества романтика были обозначены соответственно в работах Е.В. Петухова³ и М.Г. Салупере⁴; А.Н. Веселовского⁵, Р.Ю. Данилевского⁶ и др. Исчерпывающее освещение получил в трудах немецких исследователей В. Гаапе⁷ и Д. Шлегеля⁸ хронологически финальный баденский период житнетворчества романтика. В исследованиях дерптских, веймарских и швейцарских контактов Жуковского, принимаемых в диссертации за основу, проблема немецкого окружения и наследия поэта изучена фрагментарно.

² Шляпкин И.А. Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картона Варнагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. Ноябрь–декабрь.

³ Петухов Е.В. В.А. Жуковский в Дерпте // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 45–101.

⁴ Салупере М.Г. Забытые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С.444–446.

⁵ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский и Ал.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1905. Ч. 159. V. С. 159–183.

⁶ Данилевский Р.Ю. Россия веймарского архива // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1985. С. 145–182; *Он же*. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л.: Наука, 1984. С. 142. *Он же*. Взаимосвязи России и Швейцарии с точки зрения имагологии // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей (По материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии). М., 1995. С. 67.

⁷ Haape W. W. A. Shukowsky und seine Beziehungen zu Deutschland und Baden. München, 1899.

⁸ Schlegel D. Der Dichter Vasily Andreevich von Shukovskij. Seine Familie. Die Grabstaette in Baden-Baden. Rastatt, 2008.

В 1960–1970-х гг. научный коллектив во главе с Д. Герхардтом провел масштабную работу по исследованию переводов, немецкого окружения и наследия Жуковского⁹. Благодаря разысканиям Д. Герхардта и Х. Эйхштедта науке стали известны воспоминания немцев о русском поэте, немецкие автопереводы романтика, более десятка писем к литераторам Германии, атрибутированы его известные переводы из немецкой поэзии, поставлена проблема репрезентативности переведенных текстов и авторов в контексте взаимодействия национальных литературных традиций.

1980-е гг. ознаменовались усилением интереса к Жуковскому в российской гуманитарной науке. Одновременно к исследованиям немецких связей первого русского романтика обратились ученые Санкт-Петербурга и Тарту, начала активную работу томская школа. Результатом стала поставленная на новом уровне проблема дерптского окружения Жуковского, влияния немецкой эстетики и критики, были введены в научный оборот новые переводы. Библиографическое описание В.В. Лобанова¹⁰, трехтомная коллективная работа томских ученых во главе с Ф.З. Кануновой¹¹, монография Н.Б. Реморовой¹² о Жуковском и немецких просветителях определили основные особенности восприятия им германской словесности, позволили выявить репрезентативные автографы поэта-читателя и обозначить принципиальную важность общения с книгой в целом.

В 1990-х гг. на основании почти полуторавековой истории изучения и новейших архивных разысканий томскими филологами был организован масштабный проект по изданию Полного собрания сочинения и писем В.А. Жуковского в двадцати томах¹³, который стал импульсом и для научного осмысления связей поэта с европейским миром. Основные этапы соприкосновения с немецкой культурой, летопись заочных и прямых контактов с Германией, общий характер рецепции русским поэтом ее достижений получили освещение в работах О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича¹⁴, В. Буша¹⁵, А.Л. Зорина¹⁶.

⁹ Gerhardt D. Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis Scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S.245–313; Derselbe. Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs // Горски Вујенау а Гарланд of essays offered to Prof. Elizabeth Mary Hill. Cambridge, 1970. S.118–154; Derselbe. Faust und die Folgen: V.A. Žukovskijs Aufsatz “Zwei Szenen aus Faust” // Mnezozina. Studia litteraria in honorem Vsevolod Setschkarev. München, 1974. S.130–152; Derselbe. Die Zeit und das Wertproblem, dargestellt an den Übersetzungen V.A. Žukovskijs // Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge G 299. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. S. 5–44; Eichstädt H. Žukovskij und Wieland // Die Welt der Slaven. 1967. H.3. S.247–266; Dieselbe. Žukovskij als Übersetzer. München, 1970 (Forum slavicum. Bd. 29); Dieselbe. Zwölf Briefe V.A. Žukovskijs // Die Welt der Slaven. 1969. Bd.4. H.3. S. 294–311.

¹⁰ Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981.

¹¹ Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1–3. Томск, 1978, 1984, 1988.

¹² Реморова Н.Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989.

¹³ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999-.... Т. 1–8, 12–14.

¹⁴ Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2000; Lebedeva O., Januschkevitsch A. Žukovskijs geistige Bindungen // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. München, 1998. S. 310–348.

Наконец, в 2000-х гг. в центре внимания литературоведов оказались историософия и христианская философия Жуковского. Впервые были предприняты попытки целостно осмыслить прозу романтика, его переводы Гомера, а также христианско-религиозных, в том числе канонических сочинений, выполненные в Германии. Монографические исследования, проведенные Ф.З.Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушиным¹⁷, И.Ю. Венициким, открыли гуманитарной науке Жуковского-писателя, философа и теолога, и потому имеют особое методологическое значение для реферируемой диссертации.

Предлагаемое исследование, мыслящееся нами как закономерное продолжение заданного направления, посвящено решению задач новейшего жуковсковедения и предполагает систематизацию, уточнение и дополнение его источниковедческой основы за счет введения в научный оборот не известных ранее текстов и фактов житнетворчества русского романтика и его современников.

Методология диссертации определяется описанной выше историографической базой, сложившейся в отечественном и зарубежном литературоведении, и обусловлена сущностью рассматриваемого материала. Исследование базируется на совмещении культурно-исторического, проблемно-хронологического и историко-генетического методов анализа. Основой применяемых в диссертации аналитических методов служат, во-первых, труды ученых, в которых рассматриваются проблемы взаимодействия литератур и перевода (А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, М.П. Алексева, Ю.Д. Левина, Е.Г. Эткинда, Р. Якобсона, Р.Ю. Данилевского); во-вторых, классические исследования о В.А. Жуковском Ц.С. Вольпе, И.М. Семенко, Р.В. Иезуитовой, представителей томской и тартуской школ. Выявление, обработка, систематизация, введение в научный оборот архивных источников опираются на источниковедческие и текстологические методики, разработанные томскими филологами в процессе многолетней работы по подготовке к изданию первого Полного собрания сочинений и писем поэта в 20 томах (М.: Языки русской культуры, 1999–2013).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1) в нем впервые дается системное описание взаимодействия В.А. Жуковского с немецким миром на основе уже известных и впервые вводи-

¹⁵ *Busch W.* Žukovskijs geistige Bindungen // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München: Fink. Bd. 3. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. 1998. S. 310–348.

¹⁶ *Zorin A.* «Unsere Deutschen» – die «Literarische Freundesgesellschaft» in Moskau // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München: Fink. Bd. 3. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. 1998. S. 156–181.

¹⁷ *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск, 2001; *Айзикова И.А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004; Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского / Ред. коллектив: Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова, свящ. Д. Долгушин. СПб., 2008.

мых в научный оборот фактов, материалов библиотеки поэта, архивных источников;

2) диалог В.А. Жуковского с немецким миром осмыслен как репрезентант его мировоззренческих и поэтических поисков на протяжении 1810–1840-х гг.;

3) проблема «Жуковский и немецкий мир» рассмотрена в аспекте переводческих стратегий поэта, сквозь призму его поэзии и прозы, публицистики дневников, эпистолярия;

4) заявленная тема включена в общий контекст русско-европейских культурных контактов, связанных с развитием живописи, философии и религии, общественной мысли.

5) обновлена исследовательская база жуковсковедения за счет активного привлечения исследований германских славистов, собрана и представлена библиография таких работ.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена тем, что полученные диссертантом результаты позволяют расширить и углубить представление о русском романтизме, творческой биографии и наследии В.А. Жуковского, а также о характере русско-западноевропейских межкультурных контактов XIX в.; материалы источниковедческого характера и сделанные на их основе выводы имеют высокую значимость для издания сочинений поэта, а также для создания научной биографии Жуковского. Практическая ценность диссертации связана с возможностью использования ее результатов в преподавании ряда дисциплин историко-литературного, переводоведческого и культурологического профиля; при разработке спецкурсов и проведении спецсеминаров по истории русской литературы XIX в., по творчеству В.А. Жуковского и его современников.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Понятие немецкого мира является **продуктивным научным концептом**, позволяющим адекватно рассмотреть и целостно представить жизнетворчество и поэзию В.А. Жуковского на современном этапе развития науки о литературе. Немецкий мир в качестве многоуровневого и многоаспектного культурного феномена, включающего в себя немецкую поэтическую культуру, философию и эстетику, живопись и религию; историю и политику, образы великих немецких романтиков Гете и Шиллера и знаменитых современников, оказал непосредственное и плодотворное влияние на формирование и развитие мирообраза в художественном дискурсе В.А. Жуковского, стихотворца, переводчика, художника и мыслителя.

2. Формирование немецкого мира В.А. Жуковского – сложный и противоречивый процесс, обнаруживающий признаки особой динамической системы: **первый этап «проникновение» (между 1815 и 1820 гг.)** характеризуется активными контактами с немецкой диаспорой прибалтийского Дерпта;

второй этап «освоение» (хронологически определяется пятью заграничными путешествиями поэта периода **1820–1830-х гг.**); **третий этап «погружение»** (ограничивается **1840–1852 гг.**) связан с переездом поэта в Германию, женитьбой, сменой статуса и окружения.

3. Дерптский период житетворчества В.А. Жуковского получил **программное моделирующее значение** для формирования индивидуального художественного метода поэта и дальнейшей творческой эволюции его романтизма. Круг чтения и общения Жуковского утвердил его германизм и способствовал приобщению к философско-эстетическому наследию немецкой романтической эпохи. История драматической любви к Марии Протасовой, отразившаяся в дерптских письмах-дневниках, в реалиях дерптского быта, определила сопряжение жизни и поэзии. Особую роль в этом сыграло личное и последующее эпистолярное общение с дерптскими друзьями – М. Асмусом, А. Вейраухом, К. Зейдлицем.

4. Результатом проникновения В.А. Жуковского в немецкий мир как эстетическую и творческую систему явилась поэтическая антология выбранных страниц из немецких поэтов **«Für Wenige. Для немногих»** (1818), в которой впервые было декларативно (*en regard*) представлено возможное звучание немецкого романтизма в пространстве русской словесности: заявлены знаковые концепты русской версии романтизма Жуковского (мотивы томления и грезы, рыцарская тема и др.), новая поэтическая семантика («весеннего чувства» и «сердечного воображения») и художественная риторика (словесно-музыкальный синтез, суггестивность), изменившие направление развития отечественной литературы.

5. **Заграничные путешествия 1820–1830-х гг.** способствовали углублению контактов В.А. Жуковского с немецким миром за счет визуального восприятия его природы, сотворения образа «туманной Германии», встреч с виднейшими представителями немецкого романтизма (Л. Тиком, Жан Полем, К.Д. Фридрихом) и произведениями искусства. Интенсивное усвоение символики романтического пейзажа в 1820-е гг. отразилось на манере Жуковского-рисовальщика и способствовало открытиям в поэзии (развитию горной философии и маринистики, оформлению оригинальных концептов души и судьбы). Поворот к эпическому изображению и усилению христианской образности произошел во многом под влиянием идей немецкого религиозно-искусства, воспринятых поэтом в 1830-е гг.

6. Своеобразие веймарских связей В.А. Жуковского определяется, прежде всего, особым характером его **гетеанства**, предполагавшим многолетний сложный диалог с немецким гением и его наследием. Вертеровский сюжет житетворчества Жуковского раскрывает многомерность восприятия им философско-эстетической концепции И.В. Гете и выявляет своеобразие ее творческой рецепции. Контакты с веймарскими гетеанцами (братьями фон А. и Ф. Мальтицами,

канцлером Ф. фон Мюллером, герцогиней Марией Павловной) оживотворили для Жуковского восприятие мира Гете и Шиллера.

7. В 1840–1850-х гг. структура немецкого мира В.А. Жуковского усложнилась: центральный **философско-эстетический** ракурс восприятия дополнился взаимосвязанными **историческими и теософскими** опытами, что выразилось в многообразии поздних исканий романтика, включивших в себя перевод «Одиссеи», общественно-политические очерки и создание собственной «христианской философии».

8. Немецкий мир в жизни и творческом сознании «Коломба русского романтизма» – репрезентант важнейших тенденций русского историко-литературного процесса 1800–1840-х гг. В контексте введенных в научный оборот новых эпистолярных и эстетических документов из архивных собраний России и Германии можно говорить о специфике процесса освоения русской литературой наследия немецкой романтической культуры, о существовании **прямой зависимости** философского, эстетического и художественного дискурса В.А. Жуковского от воздействия немецкого мира.

Апробация научных результатов: результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на двадцати международных, всероссийских и региональных научных конференциях.

Некоторые разделы работы, связанные с изданием ПССиП В.А. Жуковского (переводы Гомера, проза «Вестника Европы», поздняя проза и эпистолярный), обсуждались на семинарах редакционной коллегии. Материалы диссертации использовались в работе спецсеминара «В.А. Жуковский и Германия» (ТГУ, 2010–2012). Результаты исследования были одобрены в виде научных отчетов автора Советом по грантам Президента РФ для молодых ученых (проекты МК-448.2011.6 и МК-2353.2007.6) и Российским гуманитарным научным фондом (проекты № 07-04-00052а, № 09-04-95601 м/Мл, № 12-34-01225а2).

По теме диссертации опубликовано более 40 работ, среди них 3 монографии, 10 статей в зарубежных научных изданиях, 16 работ в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определена поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и тома приложений, основной текст исследования составляет 336 страниц, том приложений включает в себя 155 страниц.

Первый этап личного взаимодействия В.А. Жуковского с немецким миром рассматривается в первой главе диссертации – «**Дерпт как колыбель германофильства Жуковского**».

В разделе «**Жизнетворческий потенциал сочинения И.Г.Б Дрезеке “Вера, любовь, надежда”: многомерное пространство коммуникации**» впервые вводится в научный оборот материал эпистолярного диалога М. Протасовой и В.А. Жуковского, представленный на страницах книги не-

мецкого проповедника. Исследование автографов поэта и его избранницы позволяет наблюдать многомерное пространство коммуникации, в котором перевод выступает средством постижения внутреннего и внешнего, оформляется как философия романтизма. **Первое** измерение этого диалога выражается в адресованных друг другу письмах-дневниках Жуковского и Марии Андреевны Протасовой, представляющих комментарии к немецкому тексту. Этот уровень диалога демонстрирует сложный механизм интериоризации «чужого» текста, технику вчитывания и вписывания мотивов собственной жизненной философии обоих читателей. **Второе** измерение связано с автокоммуникацией, непреходящим стремлением к нравственному самосовершенствованию и познанию себя сквозь призму «другого» (автора книги). В этом контексте брошюра Дрезеке репрезентирует стратегию учительства Жуковского-педагога, наставлявшего с ее помощью М. Протасову, а затем графиню С.А. Самойлову. Наконец, **третий** аспект продуктивного взаимодействия определяется творческой активностью читателя, предпочтительной формой которой, согласно теории Жуковского, был перевод. Выполненный поэтом на страницах книги и впервые публикуемый нами перевод фрагмента «Я есть человек» имеет космогонический контекст: от утверждения «Я живу» взгляд автора обращается к окружающим, затем к соседним народам, к положению Земли во Вселенной и познанию других небесных тел. Открытие внешней и внутренней уникальности человеческой природы, ее превосходства над иными живыми существами позволяет автору сделать вывод о неземном происхождении человека.

Три экземпляра книги Дрезеке, знаменующие три эпизода в творческой биографии поэта, позволяют констатировать формирование глубокого символического значения этого сочинения в пространстве его житетворчества. Первостепенную роль сыграл исследованный нами первый экземпляр издания, отправленный в 1815 г. из Петербурга в Дерпт. Второй экземпляр был презентован графине С.А. Самойловой ко дню ангела в августе 1819 г., сопутствующее послание Жуковского в ее альбоме вобрало самые сокровенные мысли и заветные идеи поэта о воспоминании и «философии фонаря». Третий экземпляр издания Дрезеке был подарен Жуковским вместе с А.А. Воейковой товарищу по «Арзамасу» П.И. Полетике 18 декабря 1823 г., когда Жуковский и А.А. Воейкова вернулись из Дерпта в Петербург, объединенные общими трагическими переживаниями, вызванными кончиной М.А. Протасовой (Мойер). Наконец, сакральный смысл книга обрела в духовном завещании Жуковского от 25 июня 1831 г., согласно которому первый экземпляр с пометами поэта и М. Протасовой предназначался его лучшему другу А.И. Тургеневу.

Появление в горизонте осмысления Жуковского сборника немецкого проповедника проясняет характер дерптского окружения поэта, представившего особый тип романтического союза, в котором культ дружбы был положен на основу немецкого пиетизма. Поэтико-идеологические формулы

Дрезеке и других духовных писателей, как то идея живой веры, божественного происхождения (Gotteskindschaft), милости (Gnade) и благодати (Wonne), художественно воссоздавались в поэзии дерптских друзей Жуковского и во многом образовали его телеологический опыт.

Во втором разделе главы – «**Эстетические штудии дерптского периода: М. Асмус и его поэтические послания к В.А. Жуковскому**» – мы впервые специально обращаемся к циклу из двенадцати поэтических текстов 1816–1842 гг. с повторяющимися темами и мотивами, которые были разом усвоены Жуковским и отразились в его поэтических переводах 1810-х гг.

В первом поэтическом письме от 29 января 1816 г. в роли программного выступал рыцарский сюжет, заданный Марином Асмусом (1784–1844) прилагавшимся к посланию подарком – переложением старонемецкой повести «Бедный Генрих» (Der Arme Heinrich. Eine altdeutsche Erzählung. Zürich, 1810) историка немецкой литературы, автора поэтического текста «Песни о Нибелунгах» И.А. Бюшинга. Значение этого германского предания для формирования особого рыцарского мотивного комплекса романтической поэзии Жуковского является принципиальным, поскольку история о народном герое Генрихе выступала важным источником рыцарской образности немецкого романтизма и изображала идеального рыцаря вне времени и исторических обстоятельств.

Скрытый подтекст организовывал письма Асмуса и далее: автор старался направлять адресата, подсказывая ему основные векторы рецепции немецкого романтизма. Самым богатым на эстетические наставления стал, по понятным причинам, 1817 г., когда Жуковский получил три поэтических письма. Первое («Любимому другу ко дню рождения 29 января 1817 г.») нашло адресата во время его самого длительного визита в Дерпт после свадьбы М.А. Протасовой. Образ мирозидательной любви был облачен Асмусом в поэтику шиллеровского гимна «An die Freude» («К радости»). В идентичных начальном и конечном шестистишиях своего стихотворения, образующих кольцевую композицию, автор почти дословно повторял шиллеровский призыв к «миллионам», абсолютизируя единство в любви. Сюжетно-композиционное сходство с одой подчеркивалось идентичным первоисточнику размером стиха (4-ст. хорей). Стилизация поэзии немецкого гения оказалась частью поэтического языка, адекватного коммуникации двух романтиков. Результаты этого творческого союза, как известно, не заставили себя ждать: перечень переводов Жуковского по итогам дерптского периода дополнили не менее восьми шиллеровских текстов, среди которых «Явление богов», «К ней», «Горная дорога», «Путешественник и поселянка», «Рыцарь Тогенбург», «Кубок» и др.

Следующее поэтическое послание Асмуса за 1817 г. было передано Жуковскому в Дерпте во время прощального визита, накануне вступления в должность учителя русского языка при великой княгине Александре Федоровне. Традици-

онные поэтизмы немецких романтиков – «süßes Sehnen» и «Sehnsucht» («томление») – включались в послание в связи с образом уезжающего Жуковского. Сладостное томление и тоска по милому идеалу, романтическое двоемирие, элегические ноты и примиряющий, идиллически звучащий голос автора – то, что вошло в генетический код русской поэзии благодаря Жуковскому – отразилось в эквивалентных поэтических формулах Асмуса.

Третье стихотворение Асмуса 1817 г. сопровождало изданный им альманах «Neujahrsangebinde für Damen» («Новогодний подарок для дам»), включавший прозаические и поэтические произведения немецких друзей Жуковского. С одной стороны, сама форма издания была близка замыслам Василия Андреевича, готовившего к выходу первый номер «Für Wenige. Для немногих». С другой стороны, послание Асмуса позиционировало очередной ключевой образ поэзии немецкого романтизма, а именно образ весны, активно использовавшийся Жуковским в переводных и оригинальных текстах дерптского периода. Настоящим гимном весне и шедевром русской пейзажной, песенной и натурфилософской лирики стало созданное поэтом в Дерпте стихотворение «Весеннее чувство» (1816), в котором переживание весны отождествилось по сути с романтическим «Sehnsucht» и «очарованным *Там*».

Конститутивным элементом метатекста асмусовских посланий выступал комплекс романтических идей, что выразилось в характерных ключевых понятиях радости и наслаждения от ощущения Бога («Wonne»), божественной любви («Gottesliebe»), благодарения Богу («Dankbarkeit») и других концептах, генетически восходящих к устойчивому тезаурусу немецкой духовно-назидательной литературы. Одним из ярких примеров пиетистической семантики посланий Асмуса является функционирование концепта проповеднической литературы «Wonne» (благодать, радость, наслаждение), которое было базовым и для проповедей Дрезеке.

Помимо скрытых импульсов-маркеров в посланиях немецкого друга содержатся вполне прозрачные сигналы, которые направили мысль и перо Жуковского. Для этого Асмус использовал аллюзии из сочинений русского романтика, а также – прямые напоминания о дерптских студиях, совместных чтениях и замыслах. Эта установка ярче всего реализовалась в диалогии стихотворений, посвященных Жуковскому к его дню рождения в январе 1831 г., где указаны источники, достойные внимания адресата, – «Ундины» Ф. де ла Мотт-Фуке и «Фантазус» Л. Тика. Поэтическое послание Асмуса от 29 января 1831 г. вполне могло послужить мотивом для возобновления работы над переложением «Ундины», к которой Жуковский обратился в ноябре этого же года. Аллюзия Фантазуса, восходящего к образу Морфея и являвшегося для немецких романтиков символом идеального и загадочного мира поэзии и грез, также воплотилась в переложении программных повестей «Эльфы» и «Белокурый Экберт», входивших в антологию «Фантазус». Первая из них

встречается под заглавием «Альфы» в навеянных Дерптом росписях Жуковского 1817 г., к осуществлению замысла поэт приступил в 1840-х гг.; вторая повесть в стихах была начата им в 1832 г. и продолжена в 1841 г.

Пути изучения всего корпуса поэзии первого русского романтика в свое время были предложены зарубежными учеными – Х. Эйхштедт¹⁸, установившей в 1970 г. немецкие источники дерптских стихотворений, и М.Г. Салупере¹⁹, впервые охарактеризовавшей в 1987 г. масштаб влияния прибалтийских немцев на его жизнетворчество. Но намеченные авторами перспективы изучения дерптского сверхтекста Жуковского не были реализованы. Третий раздел – «Поэзия дерптского периода 1815–1824 гг. и альманах “Für Wenige. Для немногих” как ее итог» – посвящен решению данной задачи. Серия сборников, составленных Жуковским преимущественно из переводов немецкой предромантической и романтической поэзии, рассматривается нами как результат дерптских штудий.

Первый параграф раздела – «Вокальные переводы немецких романсов 1810-х гг. и песенный нарратив лиро-эпоса В.А. Жуковского» – посвящен исследованию дерптской поэзии Жуковского как целостного песенно-романсного единства, организованного романтической идеей *musica literaria*.

Референтная основа дерптского этапа творчества поэта позволяет системно представить комплекс его лучших стихотворных опытов 1810-х гг. Фактическим источником более двух десятков переводов стала дерптская салонная культура. На бумаге этот тип творчества был зафиксирован благодаря стараниям Августа Вейрауха (1788–1865), издававшего популярные в Прибалтике песенники. Из пятидесяти четырех немецких романсов, представленных в пяти сборниках, более двадцати получили русскую референцию благодаря стараниям Жуковского и еще два стихотворения («Мой друг, хранитель-ангел мой...» и «Весеннее чувство») были переведены на немецкий, чтобы войти в собрания Вейрауха. Таким образом, большинство поэтических текстов Жуковского дерптского периода («Кто слез на хлеб свой не ронял», «Новая любовь – новая жизнь», «Утешение в слезах», «Персидская песня», «Явление богов», «Голос с того света», «К Эмме», «Призвание», три «Песни» и др.) были созданы в рамках совместного творчества в области песенной культуры и являются вокальными переводами.

Дерптские стихотворные опыты стали лабораторией по разработке параллелизма в качестве основного сюжетно-композиционного приема песенно-романсного жанра Жуковского. Балладно-песенный всплеск начала 1830-х напрямую был связан с дерптским временем; а в 1840–1850-х гг. десять песен вошли и в крупный лиро-эпос (в стихотворные повести «Ундина», «Норманский обычай», «Белокурый Экберт» (не окончена), «Наль и Дамянти»; по-

¹⁸ *Eichstädt H.* Žukovskij als Übersetzer. München, 1970 (Forum slavicum. Bd. 29). S. 37–88.

¹⁹ *Салупере М.Г.* Забытые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 431–455.

этические сказки «Тюльпанное дерево» и «Спящая царевна», в перевод гомеровской «Одиссеи» и в поэму об Агасфере) на правах вставной структуры, при этом большинство песен было выделено поэтом графически, отличаясь от контекста характеристиками стиха. Эволюция сверхжанрового песенно-романсного единства в наследии позднего Жуковского оказывается равнопротяженной его творчеству и обнажает последовательное движение к сакральной поэзии, сакрализации самой творческой активности стихотворца.

Во многом благодаря тесному общению с дерптскими друзьями и целенаправленным занятиям немецкой эстетикой, переключению на переводы с немецкого, а также событиям личной биографии, в творчестве В.А. Жуковского оформилась оригинальная трактовка рыцарства, которая рассматривается специально во втором параграфе третьего раздела первой главы **«Рыцарская тема в поэзии В.А. Жуковского»**.

«Духовное рыцарство» было темой философствования русской литературы преимущественно в период Просвещения, предпологавшего, как и подготовившее органичное усвоение этого иностранного культурного символа масонство, наличие просвещенных и непосвященных. С приходом романтизма в рыцарском поэтическом комплексе центральное место заняла идея универсализма, «гармонии сфер», отменившая актуальность «земных» разграничений. Немецкие романтики обратились к национальной истории и по-новому увидели рыцарскую эпоху – как период рождения авторской поэзии; время органичного соединения духовно-религиозного и мирского, народного и светского начал. Рыцарь выступал персонификацией этого взаимодействия, проводником между различными мирами, поэтом, влюбленным, воином, монахом.

Подобное изменение в трактовке рыцарства мы можем наблюдать в творчестве Жуковского 1800–1810-х гг. Осмысление им рыцарского этоса начинается в образе Дон Кишота, изображенного иронически в переводе из Флориана. Второй этап развития рыцарской темы в творческом сознании Жуковского связан с опытами конца 1800-х гг. и попытками воссоздать национальный колорит «русского старинного преданья». Так, не опубликованное поэтом при жизни стихотворение 1808 г. «Романс» («На верху горы утесистой...») оказывается в одном ряду с планами поэмы «Владимир» и предвещает поэтическую стилистику балладной дилогии «Людмила»–«Светлана». Однако образы рыцарей в поэзии Жуковского до посещения Дерпта не имели того внутреннего содержания, которое они обрели в поэтическом мире романтика 1810–1840-х гг.

Новому этапу осмысления Жуковским рыцарской темы предшествовало время серьезного изучения немецкой эстетики и критики, работ Ф. Бутервека, А. Шлегеля, Ф. Шиллера, И. Гердера, Жан-Поля, Ф. Клингера. Промежуточным результатом этого стали выписки на русском и немецком языках, сделанные преимущественно в 1818 г. и поместившиеся в тетради Жуковского после планов

занятий с Александрой Федоровной. Выдержки из немецких теоретических сочинений, приобретенных Жуковским в Дерпте в 1815–1817 гг., обозначили новый уровень и изменившийся характер германофильства романтика. Фрагменты, посвященные эпохе рыцарства и рыцарской поэзии, выписанные из сочинений Бутервека, Шлегеля и Клингера, занимали значимое место в исканиях Жуковского-читателя. В эстетических штудиях Жуковского второй половины 1810-х гг. рыцарство стало неотъемлемой принадлежностью романтического духа, германской мифологии и поэзии Нового времени.

Главной лабораторией по разработке темы стали баллады. В балладах 1810–1820-х гг. («Три песни» (1816), «Гаральд» (1816), «Мщение» (1816), «Громобой» и «Вадим» (1817), «Рыцарь Тогенбург» (1817)) разворачивается сюжет, часто мистический, в центре которого сохранение благородным героем верности идеалу; подчеркнутый рыцарский колорит призван акцентировать романтическое прочтение рыцарства. В балладах 1830-х гг. («Кубок» (1831), «Алонзо» (1831), «Роланд Оруженосец» (1832), «Плавание Карла Великого» (1832), «Рыцарь Роллон» (1832)) актуализируется мотив личного пути героя-рыцаря. В переводных стихотворных повестях Жуковского 1830-х гг. («Перчатка», «Сражение со змеем», «Суд Божий», «Нормандский обычай», «Ундиана») в образах рыцаря-придворного, рыцаря церкви и рыцаря в служении даме подчеркнута их единая универсальная основа. Баллада «Старый рыцарь» закрепила в сознании современников рыцарское амплу первого русского романтика. Рыцарская образность В.А. Жуковского доведена до логического завершения в его главном мифопоэсе – переводе «Одиссеи», которая является источником европейского рыцарского поэтического комплекса.

Миромоделирующий потенциал рыцарского мотивного комплекса раскрывается в «тексте жизни» В.А. Жуковского, в частности в переписке с дерптским другом и первым биографом романтика, доктором К. фон Зейдлицем, изучению которой посвящен **четвертый раздел** диссертации – «**Отзвуки идей и образов немецкого романтизма в переписке В.А. Жуковского и К. фон Зейдлица**».

Фактическую основу многолетних взаимных контактов поэта с одним из дерптских знакомых Карлом фон Зейдлицем (1798–1885) составило глубокое духовное чувство к М.А. Протасовой-Мойер, а действительную историю этой дружбы обусловил в первую очередь уход из жизни самых близких Жуковскому женщин: самой Маши (в 1823 г.), ее сестры Александры (в 1829 г.), старшей дочери последней, крестницы поэта Екатерины (в 1844 г.); наконец, матери Маши и Саши Екатерины Афанасьевны (в 1848 г.). Зейдлиц взял на себя заботы о последних днях сестер Протасовых, хлопоты по разделу капиталов между сестрами Воейковыми и выступил опекуном семьи поэта после его смерти.

В письмах Жуковского к Зейдлицу реализуется главная эстетическая форма романтического биографизма, заключенная в философии элегии, – излюбленном жанре поэта. Элегические пассажи о смерти и милых гробницах, о печалях настоящего и об ушедших друзьях, о «счастье без счастья», воспоминания о прошлом, заключенные примирительным суждением о спасительной силе веры, определяют ключевые медитации русского романтика и актуализируют ценностно-смысловое единство дерптского сверткста в его жизнетворчестве на протяжении почти трех десятилетий.

Комплекс смыслов, заключенный в переписке Жуковского и Зейдлица и родственнй романическому мировидению, не выражается напрямую и прочитывается в маркерах, центральными из которых являются образы матери и ангела. Тот факт, что все ушедшие из жизни друзья поэта и немецкого доктора были близкими им женщинами, способствует реализации в их диалоге культа Прекрасной дамы. Жизнетворческий сюжет рыцарского благородного служения женскому образу в переписке двоих друзей венчает намерение Жуковского верить свою жену попечению доктора Зейдлица.

Если в прижизненных эго-текстах скорее Зейдлиц был героем Жуковского, находившегося вдали от «милых сердцу мест», то после кончины русского романтика его немецкий друг выступил автором нескольких вариантов мемуарных произведений о нем, и Жуковский буквально стал романтическим героем сочинений Зейдлица. Благодаря его усилиям книги о жизнетворчестве поэта представили его сначала германской, а затем и российской публике. Немецкая книга К. фон Зейдлица²⁰ о жизни и творчестве В.А. Жуковского отличалась от русского варианта²¹ как композиционно, так и содержательно. Сопоставительный анализ показывает, что в данном случае мы имеем дело скорее с двумя разными жизнеописаниями: немецкую монографию можно назвать мемуарами доктора Зейдлица, русская монография выступает научнo-популярным исследованием Зейдлица-историка.

Общий комплекс романтических мотивов и тем, отразившийся в лирике Жуковского 1810-х гг., имел самые различные источники. Это и непосредственное обращение к поэзии Гете и Шиллера, и поэтика «кладбищенской элегии», связанной с творчеством английских предромантиков (Т. Грея, А. Поупа), и поэзия Ф. Маттисона. Но значение дерптских впечатлений и Дерпта как колыбели романтизма Жуковского нельзя недооценивать. Чтение книги Дрезеке, исторических сочинений Г. Эверса, беседы и встречи с К.С. Моргенштерном, послания М. Асмуса, их посредничество в знакомстве с новинками немецкой романтической культуры, рецепция песенно-романсной поэзии А. Вейрауха, идеи романтического жизнетворчества, связанные с исто-

²⁰ *Seidlitz, Karl von*. Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben. Mitau, 1870.

²¹ *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

рией драматической любви, – все это образвало тот фундамент, на котором происходило формирование романтической поэтики Жуковского.

Следующий после дерптского этап творческого осмысления В.А. Жуковским немецкого мира, связанный с зарубежными поездками, освещается нами во второй главе **«Освоение немецкого мира в период заграничных путешествий 1820–1830-х гг.»**. В этот период поэт совершил пять выездов за пределы России, предполагавших посещение немецкого мира: в октябре 1820 г. – феврале 1821 г.; мае 1826 г. – сентябре 1827 г.; апреле–июле 1829 г.; июне 1832 г. – сентябре 1833 г.; мае 1838 г. – июне 1839 г. Ведущую роль в познании немецкого мира сыграли визуальные искусства, главным образом – живопись, скульптура и театр. В этот период происходило самое активное, деятельное познание русским романтиком культурного наследия Европы сквозь призму немецкого мира.

Одним из первых мест паломничества Жуковского, по понятным причинам, стал Веймар – литературная столица Германии. Первый раздел главы – **«Веймарский след Жуковского и культ Гете»** – посвящен монографическому изучению веймарского текста житнетворчества поэта.

История заочного восприятия Жуковским веймарского культурного феномена восходит к началу его творческого пути и связана с 1790-ми гг. и образованием Дружеского литературного общества, к моменту первого посещения Веймара в 1821 г. Жуковским было переложено на русский язык не менее тринадцати стихотворений Гете и не менее девятнадцати сочинений Шиллера. Веймарские связи 1820–1830-х гг. определили качественные изменения художественного метода Жуковского, утвердили его на индивидуальном пути в литературе и живописи и способствовали рекомендованному Гете «обращению к объекту». Поэт побывал в Веймаре, как минимум, восемь раз: 28–31 октября 1821 г.; 3–7 сентября 1827 г.; 23–26 августа 1833 г.; 6–16 сентября 1838 г.; 26 марта–27 марта 1840 г.; 29 октября–31 октября 1840 г.; 14 мая 1841 г., а также 28 августа 1849 г.

Россика веймарских архивов неоднократно становилась предметом внимания отечественных литературоведов, но наследие Жуковского специально не рассматривалось. В реферируемом исследовании установлено, что «Веймарские Афины» стали родиной целого ряда поэтических творений Жуковского 1820–1850-х гг., к которым следует отнести не менее **тринадцати** стихотворных текстов на русском, немецком и французском языках, а именно: «К портрету Гете» и «Zu Goethes Bild», «Offrande» и «Приношение», три четверостишия из альбомов внуков Гете («Voller Keim blüh auf», «Милый, прекрасное имя тебе даровала судьбина!», «Du gefällst mir so wohl mein liebes Kind»); «К Гёте» и «Dem guten großen Manne»; «То место, где был добрый, свято!», немецкие автопереводы «Народной песни» и «Воспоминания» («Gott schütz' den Kayser!...») и «Von den Geliebten, die für uns die Welt...»), а также –

стихотворение «Der zu früh kommende» («Приходящий раньше срока»). Некролог о А.И. Тургеневе, созданный Жуковским совместно с Ф. Мюллером, некролог, написанный поэтом на кончину самого канцлера, а также «Две сцены из Фауста» составляют комплекс прозаических сочинений, принадлежащих к веймарскому тексту Жуковского второй половины 1840-х гг. Опосредованно к нему относится и перевод «Одиссеи», идея которого была подсказана русским поверенным в Веймаре, бароном А. фон Мальтицем.

Особую часть веймарского текста житнетворчества Жуковского составляет его диалог с герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах Марией Павловной, принявшей из рук Гете эстафету по сохранению и приумножению культурного наследия немецкой классики. Рукописи стихотворений Жуковского и их немецких переводов, сохранившиеся в ее архиве, образуют целостный метатекст. Поводом для начала переписки стал уход из жизни императрицы Марии Федоровны и вступление на престол самой Марии Павловны. Элегия «Чувства перед гробом Государыни Императрицы Марии Федоровны» (1828) и романтическая идеализация ее благотворительности «Видение» (1828) были переданы Марии Павловне в оригинале и немецких переводах – как завет русского поэта молодой герцогине, повторившей впоследствии на немецкой земле подвижничество матери. К тому же комплексу примыкают «Стихи сочинения Жуковского, петые воспитанницами Смольного монастыря перед выпуском их в присутствии Императора», апологетически воспевающие просветительско-благотворительную деятельность императрицы Марии Федоровны, и обращенное к великому князю поучительное стихотворение «Над бедной хижиню сей (по случаю посещения Его императорским высочеством Саардамского домика, в коем плотничал Петр Великий)» (1839).

Метатекст поэтических посланий дополняется письмами личного характера, открывающими многолетний живой интерес герцогини к творчеству Жуковского и его жизни в Германии, а также свойственный наставнику Александра II тон «урока царям». Жуковский, впервые представший перед Марией Павловной в 1821 г. как учитель царской семьи, относился к ней как к воспитаннице, личная переписка поэта и герцогини проникнута исповедальным настроением и наполнена искренними высказываниями о литературе и о России.

Главным нервом веймарского текста Жуковского неизменно выступала культовая фигура И.В. Гете. Высокий образец житнетворчества гениального поэта и великого мыслителя, определившего «дух времени», всегда присутствовал в подтексте общения с веймарскими друзьями и герцогиней. Понять уникальный характер гегеанства русского романтика, сложный диалог великих поэтов позволяет изучение вертеровских мотивов житнетворчества русского романтика, не исследованных ранее, несмотря на их очевидную значимость.

Второй раздел **«Вертеровский сюжет в жизни и поэзии В.А. Жуковского»** посвящен исследованию восприятия поэтом одного из центральных

сюжетов немецкой литературы. Жуковский стоял у истоков русской переводной вертерерианы, сначала как зоркий рецензент, отметивший некомпетентность первых переводчиков «Вертера» 1780-х гг. Ф. Галченкова и И. Виноградова, затем как соавтор «тройного» перевода, задуманного членами Дружеского литературного общества и ставшего лучшим среди всех русских переводов, которые вышли в России в конце XVIII – начале XIX в.

Жуковский, сформировавшийся как личность под влиянием масонской теории «внутреннего человека», достаточно критически относился к человеческим страстям в жизни и их изображению в литературе. Однако в жизне-творчестве поэта сложилась его собственная вертерериана, открывающаяся в круге чтения романтика, вместившем в себя два издания романа, каждое из которых представляет резонансное восприятие читателя. Так, в первом из изданий «Страданий юного Вертера» 1787 г.²², преподнесенном Андреем Тургеневым, который «обратил» его к немцам, выбранные Жуковским места не связаны напрямую с распространенными медитациями Вертера и узловыми с точки зрения фабулы романа моментами. Пометы касаются афоризмов И.В. Гете, в частности, сюжетной линии дружеского союза Вертера и Вильгельма, за ними скрывается диалог Жуковского и Ан. Тургенева.

В маргиналиях романтика на страницах издания 1819 г. разворачивается второй сюжет Жуковского-Вертера. Совокупность отмеченных фрагментов с легкостью складывается в целостную и законченную историю отношений с Марией Протасовой, вышедшей замуж за Мойера. Другой замеченный читателем мотив связан с деятельностью при дворе. Очевидно, датировать чтение «Вертера» следует 1819–1823 гг. Пограничные даты при этом определяются годом выхода в свет данного издания, с одной стороны, и уходом из жизни Маши, с другой.

В художественном творчестве прямых высказываний о Вертере не находится. Опосредованно вертеровский сюжет встречается в переводе повести «Шарль и Мари» французской писательницы А.М.Э. де Флао с заглавием «Мария. Отрывок из Артурова журнала» (1808). Слепое подражание и поклонение Вертеру в сюжете повести оспаривается.

Имена Вертера и его автора появляются на страницах «Вестника Европы» спустя всего полгода после публикации перевода повести Флао. Жуковский-редактор помещает на титульном листе сорок второй части журнала (за ноябрь и декабрь 1808 г.) портрет И.В. Гете и печатает свою статью под названием «Гете, изображенный Лафатером». Под астериском к имени Гете значится: «Сочинитель Вертера»^В доказательство того, что в сознании современников Жуковского главным творением, представляющим гений Гете вообще, выступал этот его роман, герой которого стал более известным, чем его автор.

²² *Leiden des jungen Werthers*. Von Goethe. Leipzig, 1787.

Личное знакомство с немецким миром в дерптский период отозвалось новым обращением к роману. В альманахах немецкой словесности за 1817 г. должны были войти и фрагменты из «Вертерова путешествия», как называл Гете свой роман «Письма из Швейцарии». В рукописях РНБ сохранилась заметка на немецком языке под заглавием «Ан Жуковский»²³, содержащая программу работ по переводам из немецкой словесности, которую следует отнести к материалам по подготовке упомянутого альманаха. Немецкий анонимный автор (вероятно, из дерптского окружения поэта) предлагал Жуковскому основные направления и произведения немецких авторов, достойные внимания переводчика. Первым из «стилей» был представлен «роман в письмах». В качестве образца приводились тринадцать избранных писем из «Страданий юного Вертера» Гете. Из предложенного списка Жуковский выделил одно письмо к другу Вильгельму, не имеющее связи с основной интригой романа. Тема рассуждения – литература древних и поэзия Оссиана, которым основоположник жанра русской баллады увлекался не меньше героя Гете.

В период заграничных путешествий по немецкому и немецко-швейцарскому миру 1820–1830-х гг. история о Вертере все так же присутствовала в круге культурных ассоциаций русского романтика. В 1826 г., во время путешествия в Эмс, Жуковский посетил город Вецлар, в котором происходили события, послужившие источником романа И.В. Гёте, а в мае 1833 г. Жуковскому суждено было подружиться с художником, знатоком искусства и коллекционером Августом Кестнером – сыном Шарлотты Буфф, ставшей прообразом возлюбленной Вертера. В конце 1820-х гг. поэт вновь был вовлечен в русскую переводную вертерериану: в 1828 г. по просьбе А.П. Елагиной он содействовал в распространении нового перевода романа, выполненного Н.М. Рожалиным.

Контекст поздних высказываний Жуковского открывает критические суждения поэта о том негативном влиянии на мировую культуру, которое возымела история о герое-самоубийце, тем не менее в индивидуальном жизнетворчестве русский романтик продолжал испытывать склонность к переживанию вертеровского сюжета. В 1840–1850-х гг., ставши равноправным обитателем немецкого мира, Жуковский, мечтающий о возвращении в Россию, а точнее – в Дерпт, вновь нашел созвучие глубоко личным чувствам в описанных Гете переживаниях Вертера. Меланхолия и предчувствие «встречи за гробом», с особой силой выразившиеся в послании поэта от 24 апреля 1850 г. к веймарскому гетеанцу А. фон Мальтицу и прилагавшихся к письму строках немецкого стихотворения «Приходящий раньше срока», были узнаваемой реминисценцией из романа Гете о Вертере.

²³ *Ан Жуковский*. Заметка неизвестного лица (на немецком языке), с пометами В.А. Жуковского. Конец 1810-х гг. // Отдел рукописей. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 352. Л. 1–3об.

Не менее важную роль в картине немецкого мира, воспринятого Жуковским в период заграничных путешествий, играли путешествия по Швейцарии, настоящей и Саксонской, расположившейся вблизи от Дрездена. Третий раздел предложенной диссертации – «Швейцария в житнетворчестве Жуковского и переписка с М.М. Вильдермет» – посвящен исследованию немецко-швейцарского текста житнетворчества поэта. Швейцария органично вписалась в германофильство Жуковского как родина педагогической науки и своеобразная модель романтического мировидения. Ее лучшие представители и их идеи поистине отвечали «нравственным убеждениям»²⁴ лучших представителей русского общества, в том числе В.А. Жуковского. Ценностно-смысловой доминантой швейцарского сверхтекста Жуковского стало романтическое творчество в широком смысле, объединяющее противоположные начала, романтическое «там» и действительность; быт и бытие.

Швейцарская тема ярко реализовалась в художественном творчестве поэта – в оригинальных и переводных, прозаических и поэтических сочинениях. Впервые поэт пришел к ней опосредованно, окончив в 1802 г. перевод французской повести Ж.П.К. Флориана «Вильгельм Телль». Будучи редактором «Вестника Европы», Жуковский охотно обращался к наследию швейцарских современников-ученых. Самые яркие из них – популярный физиогномист И.К. Лафатер, историк И. Миллер, педагоги И.Г. Песталоцци и Ф.Э. Фелленберг – нашли свое место на страницах журнала, а также в обширном книжном собрании Жуковского. Оригинальный швейцарский сверхтекст житнетворчества поэта начинает складываться в 1821 г. в связи с первым посещением страны. Поэтическое обращение к Швейцарии, выразившееся в стихотворении «Гельвеция, приветствую тебя», содержит в себе квинтэссенцию романтического топоса, запечатлевшегося в сознании поэта.

По-настоящему понять и развернуть свое восприятие Швейцарии в поэзии Жуковскому удалось в 1832–1833 гг., когда он, отчасти по причине болезни, должен был на долгое время остаться в стране. Результатом стала сформулированная им в прозе горная философия и новый этап поэтического творчества, выразившийся в переводах баллад «Братоубийца», «Плавание Карла Великого», «Роланд Оруженосец», «Рыцарь Роллон», «Уллин и его дочь», «Элевзинский праздник»; повестей «Суд в подземелье»; «Нормандский обычай», «Ундина» и др., которые также принадлежат к швейцарскому сверхтексту Жуковского.

Швейцария не знала романтизма и надолго задержалась в своем культурном развитии на идеях Просвещения, импонировавшего ее мыслителям, которые заняли центральное место в педагогической системе Европы. Пафос назидательного просветительства содержится и в швейцарском сверхтексте Жуковского. С одной стороны, проза его германо-швейцарских путешествий

²⁴ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 34.

предназначалась его царственной ученице императрице Александре Федоровне, с другой – «Отрывки» как «программа эстетики и поэтики новой прозы» адресованы всей русской словесности в качестве скрытого наставления.

Важнейшей фигурой в немецко-швейцарском окружении романтика, определившей мифопоэтическую сущность швейцарского сверхтекста в его представлении, выступала гувернантка принцессы Прусской Шарлотты, в замужестве вел. княгини Александры Федоровны, фрейлина Мария Маргарета Вильдермет (1777–1839), которая разделяла с ним трудности педагогической деятельности при дворе, выступала посредником в отношениях с императрицей, а, вернувшись на родину, определила ракурс восприятия мировых политических событий. Внутреннее сродство двух наставников запечатлено в корпусе проанализированных в реферируемом исследовании эпистолярных текстов, пронизанных романтическим пафосом и историософскими мотивами. Мадмуазель Вильдермет ассоциировалась в творческом сознании поэта, во-первых, с берлинским текстом и сюжетом Лаллы Рук, во-вторых, с идиллической и в то же время беспокойной в нач. 1830-х гг. Швейцарией, раньше других перенесшей «болезнь века», Вильдермет выступила гидом для Жуковского в его путешествиях по Швейцарии 1820–1830-х гг.

Послания Вильдермет к Жуковскому 1826–1833 гг. впервые осмысляются нами как жизнетворческий текст. В ореоле «очаровательной» Швейцарии, представленной в письмах фрейлины, центральное место занимает пейзаж. Горы и озера, сады, луга и сам Берн, характерный альпийский ландшафт дополняет облик райского места, в котором Вильдермет обрела желанное успокоение и гармонию. Однако к 1830–1840-м гг. природа и искусство для романтика и его собеседницы становятся символом не только духовной, но и общественной жизни. Горная философия Альп и страсть Жуковского к путешествиям в первую очередь являются ответом на те потрясения, которые переживала Европа, и в частности Швейцария. Тема свободы и революции, народа и власти, идея божественного промысла в истории камертоном звучат в ответах фрейлины. Характер образности и риторические приемы проанализированных посланий Вильдермет напрямую интертекстуально связаны с немецким миром позднего Жуковского.

Без преувеличения можно говорить о том, что настоящим открытием двадцатилетия 1820–1830-х гг. для Жуковского стала **немецкая живопись**. Восприятие изобразительных искусств, страсть к коллекционированию живописи и рисованию стали качественно иной продуктивной формой мировосприятия и миропознания, увлекшей поэта в период путешествий. Одним из первых в отечественном искусствоведении на актуальность исследования контактов поэта с немецкими художниками указал М.Я. Либман. Диалог с «самым значительным пейзажистом немецкого романтизма» Фридрихом получил подробное освещение в немецкоязычной науке: Г.Ф. Эйнем и Г. Гейдер в 40–60-х гг. прошлого века опубликовали эго-документы респондентов и восстановили летопись их контак-

тов, которая была дополнена в работах отечественных ученых в 1970–1980-е гг (см. труды И.Г. Неупокоевой, М.Г. Дмитриевой).

В разделе **«Жуковский и немецкие художники: от К.Д. Фридриха к назарейцам»** представлена первая в своем роде попытка ввести в научный оборот, систематизировать и последовательно представить эмпирический материал о контактах поэта с немецким миром изобразительного искусства, установить основные этапы эволюции творческих взглядов Жуковского-рисовальщика, определить характер отражения этого развития в его поэзии.

Первый параграф **«Пейзажная живопись немецкого романтизма в творческом сознании В.А. Жуковского»** посвящен исследованию функционирования в творчестве поэта центрального жанра немецкой романтической живописи – пейзажа. Мастерство Жуковского-пейзажиста было результатом многолетних штудий, искусство изображения словом и кистью, литература и изобразительное искусство им самим непосредственно сопрягались в единстве художественного мира. Его «болезнь рисования», открывшаяся по-настоящему в 1821 г. в немецком мире, была внутренне подготовлена и «ландшафтной» поэтикой его стихотворений. Поэзия 1800-х гг. – пейзажи павловских посланий, «лирический взрыв» 1806 г., элегические зарисовки природы («Опустевшая деревня», «Отрывок перевода элегии») – стала начальным пунктом, мастерской Жуковского-пейзажиста. В это время уже определились основные черты романтического изображения природы в творчестве поэта. Ландшафтный (речной, лесной, а впоследствии горный и морской) психологизированный пейзаж-панорама, сходный с любимым романтиками эскизом по мере законченности, графический по типу исполнения, часто лунный или туманный по виду освещения, доминирует в наследии Жуковского как рисовальщика и как поэта.

Дерптские эстетические штудии в литературе и живописи сформировали особый взгляд Жуковского-художника. Дерптская школа живописи, основанная гениальным гравировщиком, «Рафаэлем цветочного натюрморта», новатором в пастельной живописи и технике акватинты, талантливым портретистом К.А. Зенфом (1770–1838), сопровождала Жуковского на протяжении всего творческого пути. Подобно поэтическому наставничеству Асмуса, выразившемуся в его посланиях, уроки Зенфа и его последователей находили свое выражение в живописных этюдах первого русского романтика.

Талант педагога нашел выражение в именитых учениках Зенфа, с которыми Жуковского связали совместные проекты. Раньше других поэт сблизился с художником и гравером А.Ф. Кларой (1790–1850). В результате их сотрудничества в 1824 г. вышло первое отдельное изобразительное издание пейзажей Жуковского в технике акватинты. В 1830–1840-х гг. совместные замыслы свели Жуковского с Ф.Л. Мейделем (1795–1846), автором иллюстраций для «Ундины» и «Наля и Дамаанти». В мастерской Зенфа Жуковский впервые познакомился и с работами будущего тестя Г. Рейтерна.

Первая поездка в Германию принесла с собой новое увлечение и нового учителя. Дрезденская школа живописи оказала неоспоримое влияние на лирический и лиро-эпический пейзаж Жуковского. Результатами этого воздействия стали натурфилософские сюжеты и углубление мифопоэтики, а также манифестарно возникшая с элегией «Море» самобытная маринистика. Фридрих был воспринят Жуковским в контексте идей дрезденской романтической школы в целом, в которой не менее важную роль играли Л. Тик и ученик Фридриха, живописец, медик и философ К.Г. Карус (1789–1869).

В символично-реалистических пейзажах Каруса, как и в романтических суггестивных полотнах Фридриха, вскрывалась божественная сущность природы, искусство пейзажа дрезденцев было призвано обнаруживать в художественном образе содержание природы, ее религиозный смысл, как откровение божественного духа. Эту философию пейзажа, созвучную собственным размышлениям, Жуковский чрезвычайно чутко воспринял и воплотил в собственном творчестве: по возвращении в Россию он стал активно издавать свои рисунки.

Второе заграничное путешествие обусловило новую волну пейзажного творчества поэта, укрепило его контакты с дрезденцами. Открытием поездки 1826–1827 гг. стал Париж, но более важным в контексте всего жизнетворчества поэта являлось знакомство и сближение с Герхардтом фон Рейтерном (1794–1865), которому суждено было занять место Фридриха, отказавшегося сопровождать Жуковского в швейцарском путешествии 1832–1833 гг. Точкой максимального сближения Жуковского и Рейтерна стало изображение природы и, в частности, пейзаж.

Реализм рейтерновских работ неизменно восхищал Жуковского, однако не сам по себе, но в аспекте романтической поэтики. Поэтому панегирик необычной достоверности изображения в его эпистолярном диалоге с Рейтерном всегда сопровождался собственными размышлениями о сущности искусства живописи, призванной, как и искусство слова, выражать внутренний мир. Центральная роль пейзажа сакрализовалась в последних контактах Жуковского и Рейтерна. Художник послал в подарок поэту на последнее в его жизни Рождество рисунок, на котором была изображена хижина в швейцарских горах – главный сюжет в многолетней дружбе, символическое воплощение жизненной философии романтика. Пейзаж в осмыслении Жуковского-поэта и художника в 1830–1840-х гг. постепенно получил статус религиозно-романтической формы искусства.

Во втором параграфе раздела – **«Идеи религиозного искусства и контакты с назарейцами»** – рассматриваются контакты Жуковского с первым в истории мировой живописи объединением художников, созданным в Италии 1809 г. союзом немецких и австрийских романтиков, имеющие важнейшее значение для осмысления семиотики немецкого мира в творческом сознании поэта. Глубоко оригинальное понимание и будущее приятие идей назарейского

движения было как будто предсказано в 1821 г. и запечатлелось в «Рафаэлевой мадонне», в которой Жуковский-повествователь, оттолкнувшись от сакрального в истории культуры женского образа-символа, «создал культ художественного воображения, интуиции-откровения», романтический «новый мир» (И.А. Айзикова). Как убедительно показал Р.Ю. Данилевский, «декларация принципов немецкого романтизма началась с имени Рафаэля»²⁵. История легенды о Рафаэле, вдохновлявшем назарейцев, актуализировала интерес русской культуры, в том числе и Жуковского, впервые в 1821 г. узнавшего о назарейцах, к размышлениям о тайнах творчества и сущности вдохновения.

Близким знакомством с философией нового религиозного искусства и лично с назарейцами Жуковский, так же, как и находившиеся в его компании во время путешествия в Италию 1833 г. Г. фон Рейтерн и А.И. Тургенев, были обязаны известному немецкому ученому и дипломату в Риме Карлу фон Бунзену (1791–1860). Немецкий ученый активно занимался практическим изучением богослужений, это увлечение стало делом его жизни и одной из тем творческого диалога с Жуковским, получившим из его рук свежее издание церковных песнопений и записку «Desiderata» с пожеланием изучать литургию русской церкви. Изучение литургии, изобразительное искусство и архитектура образовали центральный мотив их многолетнего общения.

Эпистолярный диалог Жуковского и Бунзена, начавшийся сразу после отъезда поэта из Рима, показывает, что поэт познакомился с работами наиболее известных немецких скульпторов и художников, «проник в самые тонкости жизни римского искусства». Письма из Фраскати, Рима и Берлина 1833–1834 гг. позволили Жуковскому иметь полное представление о новых проектах назарейцев.

В сознании русского поэта посещение туманного Альбиона 1839 г. оказалось напрямую связанным с римским путешествием и идеями нового немецкого искусства благодаря посредничеству поселившегося в Лондоне К. Бунзена, который стал открывателем разнообразных сторон жизни английской столицы и английской культуры. Вместе они провели в английской столице восемь дней, которые, судя по дневникам Жуковского, стали самыми содержательными в его лондонском травелогге.

В римском доме Бунзена в 1833 г. поэт познакомился с Августом Кестнером (1777–1853), дипломатом, коллекционером живописи, археологом, поэтом, художником, одним из главных теоретиков школы религиозного искусства. Во время римского путешествия Жуковского, сопровождавшего наследника, в декабре 1838 г. – январе 1839 г. Кестнер выполнял роль гида, был представлен русскому царственному воспитаннику и посвятил ему, с позволения Жуковского, стихотворные строки. Адресованное от лица немецкой

²⁵ Данилевский Р.Ю. Заметки о темах западноевропейской живописи в русской литературе // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 283.

диаспоры в Риме наследнику российского престола послание в четырех шестистишиях выражало глубокое почтение и благословение будущему Александру II. В 1840–1850-х гг. Кестнер встречался и вел переписку с Жуковским, предметом их эпистолярного диалога выступили литературные труды обоих – первый сборник немецких переводов стихотворений Жуковского «Пасхальный подарок», его брошюра о Радовице, а также сочинения о Риме и собрание поэзии Кестнера.

В 1840-е гг. творческие связи Жуковского с немецкой школой религиозного искусства не прекратились. До начала революционных событий 1848 г. поэт с семьей жил в неотрывном контакте с Г. Рейтерном, проникшимся идеями назарейцев. Во Франкфурте-на-Майне Жуковский сблизился с последователем Овербека, профессором в Штеделевском институте изобразительных искусств Эдвардом Якобом фон Штейнле (1810–1886), иллюстратором изданий К. Брентано, «рисовальщиком мадонн». Письма Жуковского к Штейнле открывают непосредственную вовлеченность поэта в новейшие проекты назарейцев, в частности, его пристальное внимание к созданию иллюстрированной Библии.

Таким образом, вторая половина творческого пути Жуковского-рисовальщика, знатока и коллекционера живописи прошла под знаком немецкого религиозного искусства. В окружении назарейцев и пиетистически настроенного семейства Рейтернов-Шверцелей Жуковский обратился к осмыслению канонических текстов христианства, результатом которого стали переводы Нового Завета, Апокалипсиса, поэма об Агасфере, собственная прикладная христианская философия, «поэзия мысли» и «святая проза» второй половины 1840–1850-х гг.

В последнем разделе **«Поэзия В.А. Жуковского 1830-х гг.: проблемы перевода и мифопоэтики»** в фокусе нашего внимания оказывается типологическая близость стратегии Жуковского концепции мифологического перевода, сформулированной Новалисом, согласно которой художественный перевод предполагает мифотворчество, поскольку «передаёт чистую идеальную сущность индивидуального художественного произведения», «предлагает нам не реальное произведение, но идеал его»²⁶.

В поэтических переводах Жуковского 1830-х гг. открывается «рубежный» период его творчества, который ознаменовал активный поиск адекватной эстетической формы (баллады, идиллии, повести, сказки) и обновление принципов художественного мышления в целом. Концепция поэтического универсализма, получившая свое развитие в антологии немецкой поэзии «Für Wenige. Для немногих», продолжилась в книге «Баллад и повестей», в эпических экспериментах. Дерптские штудии немецкого романтизма, подкреп-

²⁶ *Новалис. Фрагменты // Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Хрестоматии историко-литературных материалов.* М., 1990. С. 70–71.

ленные визуальными впечатлениями периода заграничных путешествий, выразились в обновленной поэтической семантике лиро-эпоса 1830-х гг., обнаруживающей устойчивые оригинальные концепты Жуковского, по сути своей мифопоэтические.

Итогом антропологии Жуковского выступила **мифологема души**. «Ундина» (1831–1836) – повесть об обретении души – наиболее полно раскрывает смысл этой мировоззренческой категории. Понятие о душе как высшей экзистенции каждого человека и всего народа было созвучно взглядам первого русского романтика на протяжении всего творческого пути. В 1800 – нач. 1810-х гг. поэт размышлял о душе как о территории аккумуляции ощущений «чувственных и телесных» и перевода их в «интеллектуальные, или духовные». Понятие о душе оформляется в базовое основание для будущего построения оригинальной онтологии в 1820-е гг., когда Жуковский совершает эволюционный переход от французской и английской эстетической мысли, от философии сенсуализма к нравственной философии «расширения души», к эстетическим открытиям Гердера, Шиллера, А. Шлегеля, Шеллинга. В результате мифологема души разрешает проблему «внутреннего человека» в поэзии Жуковского 1830-х гг. как «художественный концепт личности» (М.М. Бахтин) или «эстетически значимое целое внутренней жизни человека» (В.И. Тюпа). Ундина, порождение природной стихии, воплощает диалектичность души, при этом избегая противостояния первобытных преставлений христианскому пласту сюжета. Обе парадигмы утрачивают свою автономию и специфику, ассимилируясь религиозной антропологией романтизма, в котором мифообраз способен покрыть собой часть истины, находящейся не вне, а внутри человека.

Особая роль провиденциального мотива суда в повестях и балладах 1830-х гг. сформировала онтологическую семантику **концепта судьбы**. Установка на философский универсализм представила в переводных стихотворных повестях судьбу в её изначальной (мифологической) функции – как организующую целостную модель мира. В стихотворных опытах Жуковского 1830-х гг. смысловое поле идеи судьбы предельно расширяется, тема суда потенциально актуализирует весь комплекс нравственно-философских проблем личности в концепции автора. Так, в «Перчатке» в чисто эксплицитном виде явлена сама ситуация суда, тот же вариант мифологема судьбы как суда в связи с испытанием героя актуализируется и в двух стихотворных повестях-переводах из Шиллера – «Сражении со змеем» и «Суде Божьем». Атмосфера национальной культуры по-новому обрамляет мифологема судьбы в «драматической повести» Жуковского «Норманский обычай». Фольклорно-мифологические мотивы (мотив похищения и поисков невесты в сказании моряка, мотивы обручения и сватовства в песне Торильды) функционально приходят на смену христианской мифологии переводов из Шиллера. В «Ундине» вновь возникает тема судьбы как суда высшего, причём прочитывается

она как итоговая сентенция в финальной главе («Оно иначе и быть не могло – то господний // Суд»²⁷).

Освоенная во многом благодаря общению с немецкими пейзажистами **маринистика**, широко представленная в корпусе повестей и баллад 1830-х гг., синтезирует двойственную (космогонически-эсхатологическую семантику) и знаменует хронотоп «Я-в-мире» или реализацию в художественной системе поэта мифологем души и судьбы. Образ морской стихии актуализирует границу их взаимодействия и одновременно способствует реализации идеи всеобъемлющей сути бытия, художественно воплощает «романтическую связь со стихией» в широком смысле

Всматриваясь в мифопоэтический комплекс идей и образов творчества В.А. Жуковского 1830-х гг., можно со всей определенностью говорить об их «немецкой прописке» и тесной связи с немецким миром. Разумеется, «всемирная отзывчивость» поэзии русского романтика опирается на весь европейский художественный опыт. Но немецкий мир и его виднейшие представители были той методологической почвой, на которой происходило становление самой философии искусства. Именно немецкий романтизм, его этико-философский и эстетический контекст определили доминантные понятия мировидения Жуковского: концепт души и ее распространения-возвышения, мотивы видения, таинственного занавеса, томления, идеальность рыцарства; концепт судьбы и экзистенциальные мотивы суда, взаимодействия «внутреннего человека» с внешним миром, стихией и природой.

Третья глава диссертации – «**Жуковский и его немецкие друзья: русско-европейский диалог 1840–1850-х гг.**» – посвящена исследованию взаимных контактов поэта с немецким миром на заключительном этапе его жизнетворчества.

В первом параграфе раздела «**В.А. Жуковский и литераторы Германии**» новые факты об эпических замыслах и опытах поэта в духе филоориентализма в 1830–1840-х гг. установлены в результате изучения книг и архивных материалов переписки поэта с немецкой писательницей **Гельминой фон Шези (1783–1856)**, известной своей активной общественной и творческой деятельностью в Германии эпохи романтизма, а также тесно связанной с дрезденской средой литераторов. Главным предметом их диалога с Жуковским стал древний восточный эпос, в частности драматическая поэма индийского поэта Калидасы на сюжет из Махабхараты «Саконтала» («Шакунтала»). Впервые изученные в ходе работы над диссертацией автографы Шези с цитатами из поэмы, преподнесенные Жуковскому; стихотворное посвящение во французском издании перевода, выполненного мужем поэтессы, известным ориенталистом Антуаном-Леонаром де Шези, переосмысляемые в контексте многолетнего интереса русского романтика к драматическому

²⁷ Жуковский В.А. ПССиП. Т. 4. С. 178.

эпосу Калидасы и литературе на санскрите позволяют включить этот образец древней поэзии в круг замыслов Жуковского по переводу восточного эпоса. План перевода «Саконталы» не был реализован, однако изучение восточного лиро-эпоса и достижений французской ориенталистики при посредничестве Шези имело принципиальное значение для осуществления переводов поэм «Наль и Дамаянти» (1837–1841) и «Рустем и Зораб» (1846–1847).

Во втором параграфе первого раздела – **«К.А. Фарнгаген фон Энзе и его размышления о поэзии Жуковского»** – предметом специального внимания становится одна из важнейших в контексте биографии романтика историй контактов немецкими друзьями. Карл Август Фарнгаген фон Энзе (1785–1858), известный критик, активный пропагандист и переводчик русской литературы, собеседник В.Ф. Одоевского, П.А. Вяземского, И.С. Тургенева и Ф.И. Тютчева, автор известных статей об А.С. Пушкине и М.Ю. Лермонтове, играл важную роль в немецком окружении В.А. Жуковского 1840-х гг. Опубликованные Г. Цигенгейстом письма Фарнгагена к Жуковскому, а также конспекты, планы и черновые наброски статьи о русском поэте дают нам представление о подлинном месте русского романтика в целостной картине русской словесности, созданной Фарнгагеном для европейского читателя.

Вводимые в научный оборот наброски статьи Фарнгагена 1841 г. о Жуковском открывают итоговые попытки автора обосновать и презентовать русскую идею в лицах. Разыскания критика концептуально следуют идее Гёте о мировой литературе и литературах национальных. Репрезентантами русской (славянской) сущности становятся А.С. Пушкин и В.А. Жуковский, неразрывно связанные в единство. Эти фигуры воплощают две противоположности славянской души – с одной стороны, необузданность, с другой, кротость и внутреннее благородство, «неустанно поднимающие нацию с колен». Продуктивность русской идеи, по Фарнгагену, рождается во взаимодействии и взаимосвязи данных противоположных начал: Пушкина и Жуковского, царя и народа. Необходимым контекстом для размышлений критика выступает пространство русско-немецких контактов, поэтому русская идея у него приобретает всемирное гуманистическое значение, чего и требовал Гёте, провозгласивший свою концепцию мирового континуума литератур.

В последнем параграфе – **«Ю. Кернер как издатель сочинений Жуковского в Германии»** – впервые реконструирована история прижизненных изданий поэзии русского романтика на немецком языке и восстановлена фактическая база его творческих контактов с издателем, а также с автором немецких переводов.

Юстинус Кернер (1786–1862) был известен современникам как поэт, историк, издатель и теоретик медицины. Самые тесные литературные связи соединяли Кернера со швабской группой романтиков (Л. Уландом, Г. Швабом и др.). Заочное знакомство русского и немецкого поэтов относится

к 1822 г., когда Жуковский перевел стихотворение Л. Уланда «Der Sieger» из сборника, выпущенного под редакцией Кернера, 1812 г. Лично он познакомился с ним в 1847 г. в Баден-Бадене. Кернер стал одним из популяризаторов творчества Жуковского в Германии, решившись издать его «Сказку об Иване Царевиче и Сером Волке» («Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf von dem russischen Dichter Joukowsky, mit einem Vorwort von Justinus Kerner. Stuttgart, 1852»). Сказка вышла с предисловием и стихотворным посвящением Кернера, с не менее важным послесловием Фарнгагена о переводе Жуковским «Одиссеи» Гомера.

Однако издание не было оригинальным, материалом для него послужила первая публикация сказки на немецком языке в собрании стихотворений «Ostergabe für das Jahr 1850. Sechs Dichtungen Joukowsky's von einem seiner deutschen Freunde für die andern übersetzt. Karlsruhe, 1850» («Пасхальный подарок за 1850 г. Шесть стихотворений Жуковского, переведенных одним из его немецких друзей. Карлсруэ, 1850»). Помимо сказки, это издание включало в себя еще пять текстов: «Des Dichters Beruf (Fragment)», «Sonntagsfrühe», «An die See», «Zwei Mondschein-Gemälde (Fragmente)», «Widmung der Übersetzung des Gedichtes «Nal und Damajanti» an die Großfürstin Alexandra Nikolajewna 1841».

Переводчиком выступил приближенный великого герцога баденского Леопольда, видный политический деятель и писатель-историк Георг Генрих Криг фон Хохфельден (1798–1860). Об этом свидетельствуют привлекаемые нами послания Крига на французском языке, сохранившиеся в бумагах поэта (от 17 сентября 1848 г., 4 апреля <1851 г. > и от 19 августа 1851 г.). Из последнего письма становится очевидным, что Жуковский и его жена выполнили для него черновой прозаический перевод стихотворений, которые он, в свою очередь, переложил на язык немецкой поэзии. Такой же метод Жуковский намеревался использовать, когда просил Кернера перевести свою поэму об Агасфере.

Первый поэтический сборник немецких переводов поэзии Жуковского был исполнен в романтическом ключе: он наполовину составлен из фрагментов (три из шести) и объединяет важнейшие жанры поэтической системы романтика (элегия, идиллия, посвящение, сказка). Четкая концепция составителя выявляется и на уровне сюжетостроения: маринистика, селенология, тема священной поэзии и религии, фольклорные мотивы и образы гармонично соединяются под одной обложкой. «Ostergabe für das Jahr 1850» стал визитной карточкой Жуковского в Германии, объединив его зрелые опыты 1830–1850-х гг. и представив их в традиционном ключе «для немногих». Следующим шагом – по направлению к немецкому читателю – стало издание Ю. Кернера, которое выполняло иную функцию. Оно должно было целостно представить Жуковского-поэта при посредничестве хорошо известного широкой публике издателя и литератора. «Сказка» являлась единственным подходящим для этой цели материалом – как самое крупное из полностью переведенных к то-

му времени на немецкий язык и самое интересное для иностранной культуры оригинальное романтическое произведение русского поэта. Посредничество Кернера на долгие годы определило образ Жуковского в Германии.

Во втором разделе – **«В.А. Жуковский и Й.М. фон Радовиц: экуменизм и мирообраз революции 1848 г.»** – история дружбы В.А. Жуковского с известным прусским государственным деятелем, публицистом, педагогом, религиозным мыслителем осмысливается как этап в истории взаимоотношений поэта с немецким миром.

В первом параграфе – **«Биография Й. фон Радовица и летопись встреч с Жуковским»** – реконструируется фактическая канва жителворчества Радовица, определяется его неоднозначный образ, созданный усилиями современников, устанавливается хронология контактов с русским поэтом. Особую роль в жизни генерала (и в этом обнаруживается прямая параллель с биографией Жуковского) сыграло назначение в 1823 г. наставником принца Альбрехта Прусского, с которым у него завязались тесные дружеские отношения. В.А. Жуковский познакомился с Й. фон Радовицем во время путешествия в Германию в сентябре 1827 г.

Переписка поэта с королем Фридрихом-Вильгельмом IV и с самим генералом свидетельствует о принципиальной сопряженности убеждений Радовица и Жуковского. Известное созвучие их общественно-политических взглядов базировалось на внутреннем единомыслии, а именно – искренней приверженности религиозно-христианской практике, пиетизме. Романтический универсализм мирообраза генерала и поэта выразился главным образом в их публикациях и выступлениях, развивающих особую историософскую идею экуменического толка о возможности единства и согласия народов, монархов и церкви под знаком христианства.

Подлинная основа подобных убеждений открывается при исследовании книг Радовица, прочитанных Жуковским и оказавшим на него несомненное влияние. Второй параграф – **«В.А. Жуковский – читатель книг Й.М. фон Радовица»** – посвящен изучению изданий, полученных поэтом от его немецкого друга. В личной библиотеке поэта сохранилось четыре издания на немецком языке, связанных с именем Радовица: его книга «Иконография святых» (Берлин, 1834. 102 с.), издание с экслибрисом генерала «Притчи отца Бонавентуры, руководство в помощь наставникам, учителям и родителям для разъяснения христианских истин и нравов» (Зульцбах, 1835. 330 с.) с пометкой Жуковского, а также два варианта малоизвестного интереснейшего труда генерала о католической эмблематике «Девизы позднего средневековья. О поэзии афоризмов» с маргиналиями, планом и переводом русского поэта.

Все четыре книги представляют род духовно-назидательной литературы, популярной в немецком мире благочестия и пиетизма. Характер чтения Жу-

ковского открывается в системе помет, находящихся на страницах изданий, и является типичным для русского романтика, поскольку определяется его жизнетворческой позицией. Автобиографический сюжет так же легко прочитывается в выбранных местах Жуковского из сочинений генерала, как и в пометах из книги Дрезеке, в изданиях романа о Вертере и многих других книгах из его личного собрания. Так, среди «Притч отца Бонавентуры» Жуковского привлекла история подданного, получившего доверие и дружбу самого короля и вынужденного противостоять многим искушениям, чтобы сохранить ему верность. Этот же сюжет был близок и Радовицу, как и Жуковский, не имевшему высокого аристократического происхождения, но достигшему благодаря самообразованию и сильному характеру, твердой воле и стремлению к нравственному самосовершенствованию положения придворного наставника.

Особый интерес представляют две одноименные книги Радовица «Die Devisen und Motto des späteren Mittelalters. Ein Beitrag zur Spruchpoesie», содержащие многочисленные пометы Жуковского. Эти труды являются плодом его занятий литературой и историей христианства в 1844–1846 гг. Подробное изъяснение средневековых девизов продолжает исследование христианской иконографии, которым занимался генерал. Композиция изданий одинакова: в предисловии автор поясняет сущность практически исчезнувшего феномена девизов, их поэтику, совмещающую художественное слово (краткое изречение на латыни) и изображение, соединенные по принципу метафоры или метонимии. Сама сущность поэтического афоризма в соединении с эмблемой оказалась близка романтической системе Жуковского, полной символики, автоцитат, формул и мифологем. Жуковский тщательно изучает обе книги, оставляя не только читательские пометы в виде отчеркиваний, вопросительных знаков или подчеркиваний, но, главным образом, перевод заинтересовавших его девизов, а также вкладывает отдельный лист с планом-конспектом интересных ему рубрик.

Можно утверждать, что Жуковский рассматривал Радовица под углом зрения своего жизненного опыта, вычитывая из всего комплекса разнообразных религиозно-христианских рубрик актуальные для него лично в непростых обстоятельствах семейной жизни конца 1840-х – нач. 1850-х. Темы смерти и воскресения, греха и искупления, причастия и супружеского союза прежде всего интересовали Жуковского не только в конкретном сочинении его друга, но и в многочисленных книгах немецких теологов и историков церкви, чьи труды находились в его личной библиотеке. Постоянство индивидуального интереса позднего Жуковского к определенному кругу теософских вопросов, связанных с его меланхолическим настроением, вызванным пошатнувшимся здоровьем и крушением надежд на возвращение в Россию, неприятием окружающей социально-политической ситуации, подтверждается в результате внимательного изучения его помет в другом издании того же сочинения Радовица.

В третьем параграфе – **«Русский и немецкий варианты очерка В.А. Жуковского об И.М. фон Радовице»** – в сопоставительном аспекте рассматриваются два текста поздней прозы романтика, опубликованных в Германии и России в 1850 г.

В русской публикации основное место занимает неделимый сплав любимых историософских мыслей Жуковского о политике, миссионерской роли России и определяющем значении Божественного Провидения. Фигура Иосифа Радовица в этом контексте играет иллюстративную роль.

Немецкая брошюра о Радовице представляет собой целостное оригинальное произведение. Сочинение на иностранном языке в отличие от русского обрамлено предисловием, стихотворным посвящением Жуковского и эпиграфом из известного историка французской монархии Ф.Д. Монлозье (1755–1838), с одной стороны, и письмом некоей родственницы генерала от 20 мая 1850 г., в котором объясняется его представление о факторах, повлиявших на формирование личности фон Радовица. Жуковский как поэт предпосылает очерку стихотворное посвящение в духе религиозной поэзии, образность стихотворения по типу близка христианской эмблематике, некоторые из мотивов (раковина и жемчужина, земля, коралловый риф) напрямую соотносятся с символикой словообразов, описанных в работах Радовица и выделенных Жуковским-читателем. Вторая магистраль творческого сознания Радовица и в то же время их взаимосвязей с русским поэтом выражается в следующем, прозаическом посвящении, в данном случае дается ссылка на источник французской цитаты – это одно из сочинений Монлозье. Содержательно строки выражают общее настроение русского поэта и его героя в раздробленной революционной Германии, а также отсылают к опыту уже ушедшего из жизни известного современника и единомышленника, к опыту революционного движения во Франции. Наконец, немецкий очерк имеет конкретную датировку текста – 27 апреля 1850 г. – и снабжен приложением, которое не воспроизводится Жуковским в русском варианте.

Помимо затекстовых различий, русский и немецкий тексты Жуковского обнаруживают основное расхождение функционального плана. Автор четко определяет свою целевую читательскую аудиторию – книга адресована друзьям фон Радовица. Стратегия Жуковского-переводчика собственной прозы определяется особой коммуникативной задачей. При этом полноценную коммуникативную доминанту, по признанию самого автора, имеет немецкая публикация.

Второй раздел третьей главы реферируемой диссертации – **«Литература немецкого благочестия и ее роль в житнетворческих исканиях В.А. Жуковского 1840–850-х гг.»** – посвящен изучению того сегмента немецкого мира, на котором поэт сконцентрировал внимание в последнее десятилетие своего жизненного пути. Каждый последующий период взаимных контактов Жуковского с немецким миром приносил новую форму германизма, опреде-

лявшую в известной степени и творческую эволюцию русского романтика в целом. На заключительном этапе, начавшемся с переездом и женитьбой, территория немецкого пространства в житнетворчестве поэта расширилась за счет религиозной практики, предполагавшей определенный образ жизни и образ мыслей, которые импонировали Жуковскому. Следствием этого поворота к духовно-религиозным жанрам стало обращение к переводам Нового Завета и Апокалипсиса, замысел поэмы об Агасфере, собственная «христианская философия», замысел «священной истории», статья «О меланхолии...» и другие проекты. Конститутивной идеологией житнетворчества Жуковского и его близкого окружения выступил пиетизм не как отдельное вероучение, но как «особая религиозность», «основное настроение, которое принимало различные формы и не подчинялось никаким догматам»²⁸.

Планом выражения духовно-религиозной практики пиетизма было чтение христианско-религиозной литературы и обсуждение прочитанного в узком кругу. Религиозное чтение включало в себя как канонические тексты Писания, так и целый корпус особого рода духовно-назидательной литературы XVII–XIX вв., который представляет собой аутентичное и не обнаруживающее прецедентов в отечественной истории культуры явление, восходящее к Средневековью и с особой силой проявившееся в XVII в. с изобретением книгопечатания. В начале кризисного XVII в. немецкий мир накрыла волна межконфессиональной духовно-назидательной литературы. Религиозная практика домашнего чтения должна была не только утешать и радовать, но способствовать формированию истинного христианина. Индивидуализация религиозной жизни в известной мере определила образ человека немецкой культуры Нового времени благодаря массовости явления. Век XVIII ознаменовался следующим этапом в развитии жанра немецкой духовной литературы – пиетизмом, переориентировавшимся в связи с более оптимистическим тоном эпохи с аскетизма на сакрализацию человеческого быта, повседневных занятий, каждодневных забот, праздников и будней. В связи с этим популярность получили своего рода календари, ежедневные руководства для христианина. Так как окружающий мир стал признаваться полномочным источником религиозного опыта, появились новые жанры проповедей-медитаций, в которых эмпирические темы освещались внутренней религиозностью автора. Современный Жуковскому романтический XIX в. в начале своем, естественно, сохранил актуальность интериоризации веры, и апология души сочинений благочестивых авторов получила новое звучание и мистическое осмысление в первой половине столетия. С приходом катастрофических революционных событий потребность в утешении и духовном прибежище с новой силой обратила семейное благочестие, воспринятое по наследству вместе с книгами, к апокалиптическим мотивам кризисного XVII в. Не случайно, что

²⁸ *Reutern G.* Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur hundertjährigen Gedächtnissfeier seines Geburtstages. SPbg., 1894. S. 103.

именно тогда было переиздано и переработано большинство репрезентативных авторов XIV–XVIII вв.

В личной библиотеке Жуковского сохранились труды большинства репрезентативных авторов эпохи Нового благочестия и пиетизма. Эти труды, определенно, составляют отдельную и центральную нишу в круге религиозного чтения поэта 1840-х гг. Некоторые проповедники вызывают у романтика особый интерес: в собрании составляются целые серии сочинений.

В первом параграфе **«Книжная культура Нового немецкого благочестия и пиетизма XVII–XVIII веков в восприятии В.А. Жуковского (Г. Мюллер, И. Арндт, К. Скривер, П. Герхардт, Г. Нитш, Ф.К. Этингер)»** исследуется характер восприятия русским поэтом трудов немецких духовных писателей, выразившийся в системе его помет на страницах изданий этих авторов, имеющихся в личной библиотеке романтика. Впервые освещаются изученные им собрания сочинений Иоганна Арндта (1555–1621), Паулуса Герхардта (1607–1676), Кристиана Скривера (1629–1693), Генриха Мюллера (1631–1675), Георга Нитша (1663–1729), Фридриха Кристофа Этингера (1702–1782); всего 15 томов. Особый интерес Жуковского-читателя вызвали труды Г. Мюллера, одного из любимых авторов семейства Рейтернов-Швертцелей. Лейтмотивы благочестивой литературы – истинная добродетель, христианская вера и пути ее обретения, неразрывная триада греха, покаяния и причастия – последовательно выделены поэтом в книгах немецкого писателя. Те же концепты привлекают Жуковского и в «теологических посланиях» Г. Нитша. В самом известном труде проповедника и вюртембергского прелата Ф.К. Этингера «Словаре библейских понятий и эмблем», одно из поздних изданий которого 1849 г. имеется в личной библиотеке поэта с его пометами, Жуковский последовательно выделяет одну, особенно заинтересовавшую его линию: определение таких образов-сущностей, как ангелы и демоны (падшие ангелы). Выборочный характер чтения соответствует уже осуществленным и только намеченным планам Жуковского середины 1840-х гг., когда созревает замысел поэмы об отступнике Агасфере, закончены переводы Нового Завета, в том числе Апокалипсиса. Итоги проведенного исследования позволяют поставить на прочную источниковедческую базу наблюдение Г.В. Флоровского о том, что «Жуковский всегда был и остался навсегда (в своих лирических медитациях) именно западным человеком, западным мечтателем, немецким пиетистом...».

Во втором параграфе **«Немецкая духовно-назидательная литература XIX в. в круге чтения В.А. Жуковского (Т.Ф.Д. Клифот, И.Э. Фейт)»** мы обращаемся к исследованию сочинений немецких духовных писателей-современников Жуковского, находящимся в круге чтения поэта 1840-х гг. Максимально полно здесь представлен И.Э. Фейт (1787–1876), известный проповедник, литератор и теолог католической церкви. В личной библиотеке

поэта находится семь его сочинений, которые в совокупности составляют четырнадцать томов. Двенадцать книг сохранили многочисленные следы чтения Жуковского.

Сборник проповедей «Жертва мирная в последовательном католическом изложении» (Вена, 1828) развивает особо интересовавшую поэта в связи с замыслами 1840-х гг. тему прощения грехов, сердечной благодати. Русский романтик обращается к главе десятой «Милость Христа», о чем говорят помета в оглавлении и отчеркивания, сделанные в тексте самой главы. Второе издание, вызвавшее интерес В.А. Жуковского, принадлежит к типичным жанрам немецкой духовно-назидательной литературы XIX в. и представляет собой календарь христианина. «Сборник проповедей на весь католический год» содержит целый ряд маргиналий Жуковского, открывающих системный характер последовательного и длительного осмысления. Книга «Освящение слепорожденных» привлекла внимание Жуковского в связи с двумя сюжетами. Объектом его пристального интереса стали первые главы: «Vehängnis und Heil» («Рок и спасение») и «Leben und Licht» («Жизнь и свет»). Пометы касаются традиционной для религиозных исканий поэта 1840-х гг. темы греха, который, по мысли автора, является причиной духовного и нравственного разложения человека.

«Повести и юморески» (1842) Фейта в трех томах, сохранившиеся в собрании Жуковского, представляют новый жанр назидательной литературы, приближенный к художественному изложению известных библейских притч, а также поучительных рассказов собственного сочинения, не имеющих прямого сюжетного отношения к священным текстам, но неизменно сопровождаемых комментариями проповедника, переводящего быль в регистр поучительной для благочестивого христианина истории. Такой тип повествования импонировал Жуковскому, в поэтическом мире которого в период чтения фейтовских притч появились «Капитан Бопп» (1843), «Две повести» (1844), «Выбор креста» (1845), «Повесть об Иосифе прекрасном» (1845). Сюжеты, отмеченные Жуковским, обнаруживают явные параллели в его житнетворчестве. Так, поэта не могла не заинтересовать история из жизни французского комедиографа и романиста П. Мариво (1688–1763), одного из первых мастеров тонкого психологизма. Притча о юноше и волке, очевидно, оказалась близка русскому романтику как автору «Сказки о Иване-царевиче и Сером Волке» (1845). Сам жанр «истинного происшествия», предполагающий финальный учительный тезис, был хорошо знаком и любим поэтом еще с 1830-х гг.

Идеи и мысли, почерпнутые из книг Фейта, нашли отражение в религиозно-философских статьях, в «христианской философии» Жуковского, которая должна была, по замыслу автора, ввести христианское умозрение в «деятельную жизнь». По типу дискурса религиозные тексты поэта 1840–1850-х гг. оказываются близкими к пиетистскому духовно-назидательному письму как феномену современного ему немецкого мира, и можно с уверенностью говорить о том, что

четырнадцать томов сочинений Фейта, определенным образом преломившись о мировоззренческую систему романтика, вошли в корпус его «святой прозы».

Еще один из немецких духовных писателей-современников, заинтересовавших русского поэта, – молодой священник, теолог и реформатор церкви Т.Ф.Д. Клифот (1810–1895). В личной библиотеке В.А. Жуковского находят­ся два сборника этого немецкого автора с пометами владельца: «Проповеди, произнесенные д-ром Т. Клифотом перед паствой в Людвигслусте» (часть вторая), 1843 г. и «Свидетельство души, 20 проповедей, произнесенных Т. Клифотом перед паствой в Людвигслусте» 1845 г.

Чтение первого сборника датируется 1846-м годом, о чем свидетельствует дата – 29 марта 1846 г., дважды записанная рукой Жуковского на полях вместе с астрономическим обозначением дня недели. В общей сложности так или иначе отмеченными оказываются двадцать две из тридцати проповедей, что говорит о подробном изучении антологии. Характер помет сложен и разнообразен: отчеркивания фрагментов на полях, подчеркивания в тексте, заметки по-русски и по-немецки, значки NB. Маргиналии находятся в двенадцати проповедях и требуют специального пристального изучения. Части «Примите слово с кротостью!», «Молим о Духе Святом», «В поисках милости Божьей», «Те, кого ведет Дух святой, есть дети Господа» отчеркнуты практически полностью, на каждой странице этих проповедей есть дополнительные пометы читателя.

Мотивный комплекс грех–покаяние–прощение в отмеченных поэтом фрагментах является, как и в других книгах подобного рода, одним из центральных. Эта триада дополняется выделенными понятиями милости Божьей, жертвы, благочестия. В сочинении Клифота Жуковского, очевидно, особенно привлек активно используемый проповедником характерный концепт немецкой духовно-назидательной литературы «сердце», понимаемый как вместилище веры и место неустанного труда христианина.

В сборнике «Свидетельство души» (1845) Жуковского заинтересовала одна из двадцати проповедей под названием «Die Sünde» («Грех»). Организующим мотивом в отчеркиваниях Жуковского-читателя становится предательство, а в качестве центрального выступает образ Иуды, олицетворяющий любой грех, который есть не что иное, как отступничество.

Последовательное выделение в сочинениях духовных авторов различных западных христианских вероучений **категории греха** не было только результатом динамики индивидуальной внутренней жизни В.А. Жуковского. В связи с напряженным диалогом различных конфессиональных вариантов христианства в немецком мире, прежде всего, в связи с острыми дискуссиями протестантизма и католицизма, понятие греха стало центральным в духовно-назидательной литературе, поскольку различия в его толковании позволяли наиболее репрезентативно обнаружить дифференциацию направлений теоло-

гической мысли. Вокруг категории греха завязалась самая оживленная полемика в известной Жуковскому немецкой духовно-назидательной книжной культуре, и специальное внимание поэта к этой теме во многом было навеяно погружением в быт и бытие немецкого мира.

Поздние переводы и сочинения Жуковского были созданы не без влияния того информационного фона, значительную часть которого составляли исследованная литература указанного рода и, в частности, труды Г. Мюллера, И. Арндта, К. Скривера, П. Герхардта, Г. Нитша, Ф.К. Этингера, Т.Ф.Д. Клифота, И.Э. Фейта (и многих других немецких духовных писателей) с многочисленными читательскими маргиналиями, которые еще ждут своего исследователя в библиотеке поэта.

Последний раздел реферируемой диссертации – **«Одиссея» как результат сотрудничества с К. Грасгофом** – посвящен истории взаимных контактов В.А. Жуковского с Карлом Грасгофом (1799–1874). Творческую историю «Одиссеи» Жуковского невозможно представить без подстрочного перевода К. Грасгофа. Сам поэт придавал ему особое значение, что проявилось в его подробных рассуждениях о характере этого источника и принципах работы с ним. Грасгоф, профессор древнегреческого языка в Дюссельдорфе, безусловно, был профессиональным эллинистом и неслучайной фигурой в творческой биографии Жуковского. Из личной переписки переводчиков сохранилось письмо К. Грасгофа к Жуковскому от 19 декабря 1845 г., свидетельствующее о тесном сотрудничестве в осмыслении античного эпоса. С публикацией «Одиссеи» их сотрудничество не окончилось. Работать над «Илиадой» Жуковский начал также в непосредственной связи с немецким подстрочником Грасгофа.

Немецкий текст подстрочного перевода «Одиссеи» К. Грасгоф снабжает своего рода примечаниями, которые даны в круглых и квадратных скобках. Количество таких пояснений, адресованных Жуковскому, составляет более 10 % от объема всего подстрочника. В добавлениях отражается личность и метод Грасгофа-переводчика. Их можно подразделить на четыре группы: синонимы, пояснения мифологических имен, восполнение недостающих служебных единиц и уточнение грамматических значений, комментарии и инструкции относительно перевода. Словотворчество Жуковского размыкает границы переводимых образов и обогащает их новыми оттенками значения. С его помощью Жуковский пытается передать чужеродность гомеровских инверсий и словоупотребления, соблюсти, по его собственному признанию, «место» в строке, не нарушая норм русского языка и передавая содержание Грасгофа. В «Одиссее» Жуковского происходит сложное взаимодействие объективного и субъективного в слове, характерное для всей его поэзии.

Интерлинейарный перевод гомеровского эпоса, сделанный К. Грасгофом, представляет собой уникальный опыт посредничества в межкультурной коммуникации и открывает глубинный уровень погружения Жуковского в не-

мецкий мир, ставший для него катализатором на пути собственного творческого развития.

В **заключении** предлагаемой диссертации делается общий вывод о том, что изучение немецкого мира в жизнетворчестве романтика является сложной научной проблемой, решение которой требует системного подхода и концептуального осмысления в самом широком историко-литературном контексте.

Введение в научный оборот нового материала переписки Жуковского и его адресатов-современников, художественных текстов поэта, обновление исследовательской базы жуковсковедения за счет привлечения работ германских славистов, восстановление целого ряда фактов личной и творческой жизни русского поэта позволяют констатировать **продуктивность** целостного научного осмысления образа немецкого мира Жуковского, обусловившего семиосферу германофильства русской культуры. Комплексное изучение проблемы «В.А. Жуковский и немецкий мир» как творческой системы позволяет сделать следующие выводы:

1) германофильство В.А. Жуковского подлежит осмыслению во всем объеме этого понятия через синтез жизнестроительных, творческих моделей, через многочисленные формы его взаимодействия с миром немецкой природы, представителями немецкой культуры и общественной мысли;

2) необходимо рассматривать разнообразные случаи взаимодействия Жуковского с немецким миром как динамичную систему через выделение различных ее этапов от 1810-х до 1850-х гг.;

3) принципиально важное в этой системе место занимают круг «немецкого» чтения поэта, его художественные интересы, религиозные поиски и общественно-политическая рефлексия. Только в соотношении разнообразных эго-документов с творчеством поэта можно по достоинству оценить настоящий масштаб этой научной проблемы.

В Приложениях к диссертации собраны полные тексты архивных, ранее не опубликованных или не переведенных на русский язык материалов, связанных с семиосферой немецкого мира Жуковского: поэтические послания М. Асмуса, письма В.А. Жуковского к К. фон Зейдлицу, веймарским друзьям, к И.М. фон Радовицу, К. Грасгофу; переписка с назарейцами и Ю. Кернером, а также наброски статьи и эпистолярный отзыв К.А. Фарнгагена фон Энзе о В.А. Жуковском. Впервые публикуемые тексты снабжены текстологическими справками и кратким научным комментарием.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Монографии

1. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 336 с. 21 п.л.
2. Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива и мифопоэтики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 97–150, 267–295, 348–415. 8,6 п.л.
3. Никонова Н.Е. Подстрочный перевод: типология, функции и роль в межкультурной коммуникации. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 112 с. 6,51 п.л.

II. Книги

4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 1999 – Т. 6. Переводы из Гомера. «Илиада». «Одиссея». – 2010. С. 391–406, 623–670. 3,1 п.л.

III. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК для размещения научных результатов по докторским диссертациям:

5. Никонова Н.Е. Перевод с подстрочника: «Одиссея» В.А. Жуковского и посредничество интерлинейного перевода К. Грасгофа // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 11–15. 0,5 п.л.
6. Никонова Н.Е. Подстрочник поэтического текста: история, типология и роль в межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 179–189. 0,7 п.л.
7. Никонова Н.Е. Поэзия В.А. Жуковского в переводах Эллиса // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 47–56. 0,7 п.л.
8. Никонова Н.Е. Жизнеописание поэта и проблема трансфера: немецкая монография К. фон Зейдлица о В.А. Жуковском // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 26–31. 0,8 п.л.
9. Никонова Н.Е. А. Дитрих, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский: новые факты русской таснаны // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 30–38. 0,6 п.л.
10. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и немецких художников-назарейцев (публикация и научный комментарий) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2. С. 99–109. 0,7 п.л.
11. Никонова Н.Е. Письма В.А. Жуковского к К.К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог (Статья первая) // Русская литература. 2011. № 1. С. 95–120. 2,8 п.л.
12. Никонова Н.Е. Письма В.А. Жуковского к К.К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог (Окончание) // Русская литература. 2011. № 2. С. 92–112. 2,7 п.л.
13. Никонова Н.Е. Немецкий мир «Вестника Европы» В.А. Жуковского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2, ч. 1. Тамбов, 2011. С. 128–131. 0,4 п.л.
14. Никонова Н.Е. Книга как многомерное пространство коммуникации: «Вера, любовь, надежда» И.Г.Б. Дрезеке в восприятии В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 3 (15). Томск, 2011. С. 113–123. 0,7 п.л.
15. Никонова Н.Е. Вертеровский сюжет в жизни и поэзии В.А. Жуковского // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 24–32. 0,7 п.л.
16. Никонова Н.Е. Веймарский след В.А. Жуковского // Новое литературное обозрение. 2012, № 113. С. 157–183. 1,4 п.л.
17. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и семьи Аделунгов / Н.Е. Никонова // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 11–16. 0,7 п.л.

18. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – читатель книг И.М. фон Радовица // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. 9 (124). С. 184–191. 1,1 п.л.

19. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкие художники: от К.Д. Фридриха к назарейцам. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371. С. 38–44. 0,6 п.л.

20. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкие художники: от К.Д. Фридриха к назарейцам. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 33–39. 0,6 п.л.

IV. Статьи на иностранных языках и в зарубежных изданиях

21. Nikonova N. Das romantische Sprachbild von V.A. Zukovskij-Übersetzer und russischer Schriftkultur des «goldenen Zeitalters»: imagologische Probleme in der interkulturellen Translation // Sammelband der internationalen wissenschaftlichen Konferenz «Sprachenpolitik und Sprachunterricht. Interkulturelle Perspektiven im Zeitalter der Globalisierung». Beiträge zur Germanistik (26.–29. September 2006 Chabarowsk). Chabarowsk, 2008. S. 120–131. 0,7 п.л.

22. Nikonova N. La construction du moi romantique dans les lettres de Joukovski des années 1840 // La revue russe. № 32. 2009. L'epistolaire en Russie. Paris, Institut d'Etudes slaves. P. 81–90. 0,4 п.л.

23. Никонова Н. Е. Книга с автографом как территория межкультурной коммуникации: немецкие инскрипты в личной библиотеке В.А. Жуковского // Материалы VII Национальной научной конференции с международным участием «Болгария – перекресток культур и цивилизаций», София: Государственный университет библиотековедения и информационных технологий, 2010. С. 34–43. 0,5 п.л.

24. Nikonova N. Неопубликованные письма В.А. Жуковского из немецких и русских архивов // Revue des études slaves. LXXXII/3. Paris, 2011. P. 495–512. 0,7 п.л.

25. Nikonova N. В.А. Жуковский и художники-назарейцы // Рим / Россия. Материалы и исследования. Рим: ARACNE editrice S.r.l., 2012. С. 77–92. 0,8 п.л.

26. Nikonova N. Das deutsche Zukowskij-Bild: Episteln von M. Asmus // Sprachbilder und kulturelle Kontexte. Eine deutsch-russische Fachtagung / Mannheimer Studien zur Literatur- und Kulturwissenschaft (Band 50). Röhrig Universitätsverlag, 2012. S. 103–116. 0,7 п.л.

27. Никонова Н. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: Фридрих и Николай фон Аделунги // Sibirien-Russland-Europa. Fremd- und Eigenwahrnehmung in Literatur und Sprache. Grazer Studien zur Slawistik. Band 3. Hamburg, 2013. S. 173–189. 0,6 п.л.

28. Nikonova N. Wasilij A. Žukovskijs Elegie „More“ / „Das Meer“ in deutschen Übersetzungen: Mehrwert der Variation // Zeichen und Stil. Der Mehrwert von Variation. Festschrift für Beate Henn-Memmesheimer zum Geburtstag. Mannheim: Peter Lang, 2013. S. 195–210. 0,8 п.л.

29. Nikonova N. В.А. Жуковский и Х.К.Й. фон Бунзен: русско-европейский диалог // Anzeiger für Slavische Philologie (XL) 2012. S. 4–26. 1,1 п.л.

V. Другие статьи

30. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский как посредник культур и основоположник мифопоэтической традиции русской литературы // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературе: материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 193–197. 0,4 п.л.

31. Никонова Н. Е. В.А. Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» И.-Г. Фосса // Жуковский и время. (Русская классика: исследования и материалы; Вып. 4). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 96–106. 0,5 п.л.

32. Никонова Н.Е. Рыцарская тема в поэтическом творчестве первого русского романтика В.А. Жуковского // Развитие русского национального мирообраза в пространстве межкультурного диалога: материалы Международной научной конференции, ТГПУ, 15–17 мая 2008 г. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та. С. 56–65. 0,4 п.л.

33. Никонова Н.Е. Немецкие поэтические автопереводы В.А. Жуковского // Русское в немецких дискурсах; немецкое в русских дискурсах. Сборник материалов российско-немецкого семинара (Томск, 27 июня – 3 июля 2009 г.). Томск: Томский государственный университет, 2009. С. 87–98. 0,5 п.л.
34. Никонова Н.Е. Х.А. фон Тидге и В.А. Жуковский // В.А. Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 232–244. 0,5 п.л.
35. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и Ю. Кернер: совместные проекты по переводу и изданию // Издательское дело и перевод. Сборник научных трудов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 63–79. 0,6 п.л.
36. Никонова Н.Е. Немецкие переводы прозы В.А. Жуковского // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. № 1, 2011. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. С. 57–63. 0,6 п.л.
37. Никонова Н.Е. К.А. Фарнгаген фон Энзе и В.А. Жуковский // Образы Италии в русской словесности. По итогам Второй Международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия» (Томск–Новосибирск, 1–7 июня 2009 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 65–77. 0,8 п.л.
38. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – читатель немецкой богословской литературы: «Учебник по Священной истории» И.Г. Курца // Современные вопросы науки – XXI век. Сборник научных трудов по итогам VII Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2011. Вып. 7. Ч. 1. С. 82–85. 0,2 п.л.
39. Никонова Н.Е. Немецкое практическое богословие в осмыслении В.А. Жуковского: христианский реализм Ф.К. Отингера // Универсалии культуры. Вып. 4. Эстетическая и массовая коммуникация: вопросы теории и практики: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С. 97–104. 0,4 п.л.
40. Никонова Н.Е. Эгодокумент как жанр имагологической литературы: письма М.М. Вильдермет к В.А. Жуковскому // Материалы III конференции «Россия–Италия–Германия: литература путешествий» Международного научно-исследовательского центра «Россия–Италия». Томск–Новосибирск, 26 сентября – 2 октября 2012 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 167–182. 0,8 п.л.
41. Никонова Н.Е. «Море» В.А. Жуковского в немецких переводах // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 225–246. 1,1 п.л.
42. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского с медиками: Публикация и научный комментарий // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 486–494. 0,4 п.л.